

«Кто жаждет, иди ко Мне и пей» (Ин. 7, 37)

www.aquaviva.ru

ВОДА

Ж И В А Я

ноябрь

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ЦЕРКОВНЫЙ ВЕСТНИК

№ 11 [106] 2008

ТЕМА НОМЕРА:

ЦЕРКОВЬ
И ГОСУДАРСТВО

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В истории взаимоотношений Церкви и государства были, как известно, очень разные страницы. Даже в священных книгах Нового Завета мы встречаем весьма различные по своему настроению отголоски этих взаимоотношений: от «царя чтите» (1 Петр. 2, 17) до «число его шестьсот шестьдесят шесть» (Откр 13, 18).

На нашем веку маятник этих взаимоотношений качнулся из одного крайнего положения почти до противоположного. Еще сто лет назад государство и Церковь были, казалось, неразрывными частями одного целого, как вдруг, приняв обличье большевистской власти, кесарь принялся ревностно и методично истреблять Церковь, оттесняя ее с того пути, по которому общество должно было шествовать к своему «светлому будущему». И лишь два десятка лет назад, словно смирившись с неизбежностью соседства Церкви, государство вновь обращает свой то благожелательный, то снисходительный, а то и требовательно-просительный взгляд к Церкви.

Почему так? Ответ достаточно прост и понятен: слишком различны по своей природе те, кто стоят во главе того или иного государства, и Тот, Кто неизменно стоит во главе Церкви. Если государство есть плоть от плоти мира

сего и в своих действиях руководствуется земными, преходящими целями и меняющимися идеологическими представлениями, то духовные и нравственные приоритеты Церкви никогда не менялись и не могли меняться. Или еще проще: если кесари и правители сменяли и будут сменять друг друга, то Христос — Царь царствующих и Господь господствующих — «вчера и сегодня и во веки Тот же» (Евр. 13, 8).

+ Владимир.

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА	1
АРХИЕРЕЙСКИЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ	2
АКСИОС!	9
СЛОВО БОЖИЕ	
ЗНАКИ ИИСУСА	
<i>Архимандрит Ианнуарий (Ивлиев)</i>	10
ЦАРСТВО БОЖИЕ В ДЕЙСТВИИ	
<i>Протоиерей Александр Глебов</i>	12
БЛАЖЕНСТВА ШАГ ЗА ШАГОМ	
БЛАЖЕНСТВО ИЗГНАННИКОВ	
<i>Иерей Димитрий Сизоненко</i>	14
ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ	
ПОГИБ ПОЭТ...	
<i>Памяти Олега Охоткина</i>	16
ПОВЕСТКА ДНЯ	
АКТЕРУ, ВЫРАЗИВШЕМУ ЭПОХУ	
<i>Елена Югина</i>	17
МОЛИТВА НА ЛИТЕРАТОРСКИХ МОСТКАХ	
<i>Елена Югина</i>	18
ДиАЛОГ ПРОДОЛЖАЕТСЯ	
<i>Анастасия Коскелло</i>	19
ХРАМ ДЛЯ «НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ»	
<i>Иерей Михаил Браверман</i>	20
РЕСТАВРАЦИЯ	
МАНЕЖ КАДЕТСКОГО КОРПУСА	
<i>Александр Воеводский</i>	22
Дискуссия	
МОГУТ ЛИ ЦЕРКОВНЫЕ СМИ	
ДИСКУТИРОВАТЬ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕМЫ?	24

Вода живая. Санкт-Петербургский церковный вестник

11/2008 (106). Официальное издание Санкт-Петербургской епархии. Основан в 1875 г. Возобновлен в 2000 г.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-31569 от 01.04.2008

Учредитель и издатель:

Санкт-Петербургская епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)

Главный редактор:

митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский ВЛАДИМИР

Редакционная коллегия:

протоиерей Александр СОРОКИН (председатель Издательского отдела, ответственный редактор), иерей Димитрий Сизоненко, иерей Владимир Хулап, Иван СУДОСА (ответственный секретарь), Анастасия КОСКЕЛЛО (выпускающий редактор), Андрей БАЛКАНСКИЙ (дизайнер) Татьяна ИВАНОВА (корректор), Юрий КОСТЫГОВ (фотограф), Станислав МАРЧЕНКО (фотограф)

Фото на 1-й и 2-й страницах обложки:

Станислав Марченко

Редакционная подписка: Виктория СИНЕЛЬНИКОВА. Тел.: 8 (812) 540-18-01

Благодарим за помощь в подготовке номера Людмилу ГОЛУБКОВУ; за помощь в распространении журнала – распространителей журнала «Фома»

Партнер по продвижению и реализации: Издательство «Ладан». По вопросам оптовых поставок обращаться в магазин издательства «Ладан» по адресу: ул. Решетникова, д. 13. Тел.: 8 (812) 388-59-89

Адрес Издательского отдела: 191167, Санкт-Петербург, наб. р. Монастырки, д. 1, Санкт-Петербургское епархиальное управление. Тел.: 274-16-45; www.aquaviva.ru; info@aquaviva.ru

Отпечатано в типографии «Моби Дик»; тираж: 3000 экз. Цена свободная

ВОПРОС СВЯЩЕННИКУ	26
КРУГАБЫЙ СТОЛ	
ВЛАСТЬ — ДУХОВНАЯ И СВЕТСКАЯ	
<i>Размышления о церковно-государственных отношениях</i>	28
ИНТЕРВЬЮ	
«ПЕРЕСТРОЙКИ В 500 ДНЕЙ НЕ МОГЛО БЫТЬ»	
<i>Беседа с протоиереем Всеволодом Чаплиным</i>	30
«ДИАЛОГ ПРИВЕДЕТ К ПАРТНЕРСТВУ»	
<i>Беседа с Германом Мозговым</i>	37
ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ	
ПОД НЕБОМ ПАРИЖА	
<i>Путевые заметки протоиерея Александра Сорокина</i>	40
LINGUA SACRA	
ВЕРУЮЩИЕ И ГОСУДАРСТВО	
<i>Роман Лункин</i>	45
СТОЛПЫ НЕВЕРИЯ	
<i>Питер Крифт</i>	50
КУЛЬТ-ПОХОД	
«РУССКАЯ ТРОЯ»	
<i>Светлана Аксенова</i>	53
ПАМЯТЬ НАЦИИ: СТАРАЯ КОЛОМНА	
<i>Татьяна Кириллина</i>	54
ОСТРЫЙ УГОЛ	
АРХИТЕКТУРА БУДУЩЕГО	
<i>Елена Югина</i>	56
ОТНОШЕНИЯ	
ИСКУССТВО РАЗЛУКИ	
<i>Марина Ранна</i>	60
В СЕТИ	64

Издательский отдел Санкт-Петербургской епархии благодарит за поддержку «Воды живой»:

Боянова Николая Петровича,
Генерального директора ООО «Вкус моды»

Галенко Андрея Константиновича
Генерального директора ЗАО «Евразия»

Гусарова Александра Анатольевича
Генерального директора ЗАО «Телрос»

Зилотова Александра Васильевича
Директора типографии «Моби Дик»
и издательства «Ладан»

Лапина Алексея Станиславовича
Генерального директора реставрационно-
строительной компании «Лапин Энтерпрайз»

Мозгового Германа Владимировича
Заместителя председателя
Законодательного Собрания Ленинградской области

Скорова Аркадия Анатольевича
Генерального директора
строительной компании «Дальпитерстрой»

Издание журнала «Вода живая» входит в «Программу гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, профилактики проявления ксенофобии, укрепления толерантности в Санкт-Петербурге на 2006–2010 годы» Правительства Санкт-Петербурга (Раздел 5)

11/12 СЕНТЯБРЯ
Благодарного великого князя
Александра Невского

Митрополит Владимир совершил Всенощное бдение и Божественную литургию в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры. После богослужения состоялся традиционный городской праздник на площади Александра Невского, в котором приняло участие духовенство епархии.

20/21 СЕНТЯБРЯ
Рождество Пресвятой Богородицы

Митрополит Владимир совершил Всенощное бдение в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры и Божественную литургию в Казанском кафедральном соборе в сослужении епископов Венского и Австрийского Илариона и Петергофского Маркелла. На богослужении присутствовала делегация Евангелическо-Лютеранской Церкви Финляндии во главе с архиепископом Турку Юккой Паармой, участвовавшая в XIV богословских собеседованиях с Русской Православной Церковью (см. стр. 19)

Фото: Юрий Костягов

22 СЕНТЯБРЯ

Митрополит Владимир сослужил Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II во время закладки в Кронштадте часовни Тихвинской иконы Божией Матери в память 100-летия со дня кончины святого праведного Иоанна Кронштадтского на месте нахождения

Андреевского собора и во время малого освящения домового храма святого благоверного Великого Князя Александра Невского, восстановленного в здании Конституционного Суда Российской Федерации, бывшего Святейшего Синода.

9 ОКТЯБРЯ

Митрополит Владимир совершил освящение креста перед его подъемом на главный купол Свято-Троицкого Измайловского собора в присутствии Губернатора Санкт-Петербурга Валентины Матвиенко, Председателя Законодательного собрания Санкт-Петербурга Вадима Тюльпанова, администрации Адмиралтейского района, руководителей компании «ТНК-ВР» и благотворителей реставрации собора после пожара в августе 2007 года (о ходе реставрации см. подробнее «ВЖ» №9 за 2008).

10 ОКТЯБРЯ

Митрополит Владимир совершил благодарственный молебен в Исаакиевском соборе по случаю 150-летия ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга».

14 ОКТЯБРЯ

Митрополит Владимир в сослужении духовенства Санкт-Петербургской епархии совершил освящение нового храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы в городе Всеволожске. Подробнее читайте об этом событии в следующих номерах журнала «Вода живая»

НАСКОЛЬКО ТЕСНЫМИ МОГУТ БЫТЬ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦЕРКВИ И ГОСУДАРСТВА?

На вопрос «ВЖ» отвечают новорукоположенные клирики Санкт-Петербургской епархии

Иерей
Евгений Кочетков

Иерей
Кирилл Мелконян

Базовые положения по вопросам церковно-государственных отношений изложены в документе «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». Этот документ также отражает официальную позицию Московского Патриархата в сфере взаимоотношений с государством и светским обществом. Основные богословские положения говорят о Церкви как о богочеловеческом организме, о миссии Спасителя в деле спасения человека и о жизни человека в Церкви как о служении Богу и людям.

Исполняя миссию спасения рода человеческого, Церковь делает это не только через прямую проповедь, но и через благие дела, направленные на улучшение духовно- нравственного и материального состояния окружающего мира.

Для этого она вступает во взаимодействие с государством, уповая на то, что совместное общение приведет ее соратников и окружающих людей к познанию Истины.

Тесными эти отношения могут быть настолько, насколько это поможет восстановить верность богоданным нравственным нормам, подвигнет к миру, согласию и благоденствию, в условиях которых Церковь сможет наилучшим образом исполнять свое спасительное дело.

Конечно, атеистическая идеология советского государства оставила отпечаток в сознании наших граждан и, учитывая настроение нынешних людей, мало верится, что Церковь и государство когда-нибудь придут к полному пониманию. Но, несмотря на это, мы, россияне, немало сделали за последние годы: сколько восстановлено храмов и монастырей, и сознательно верующих стало намного больше!

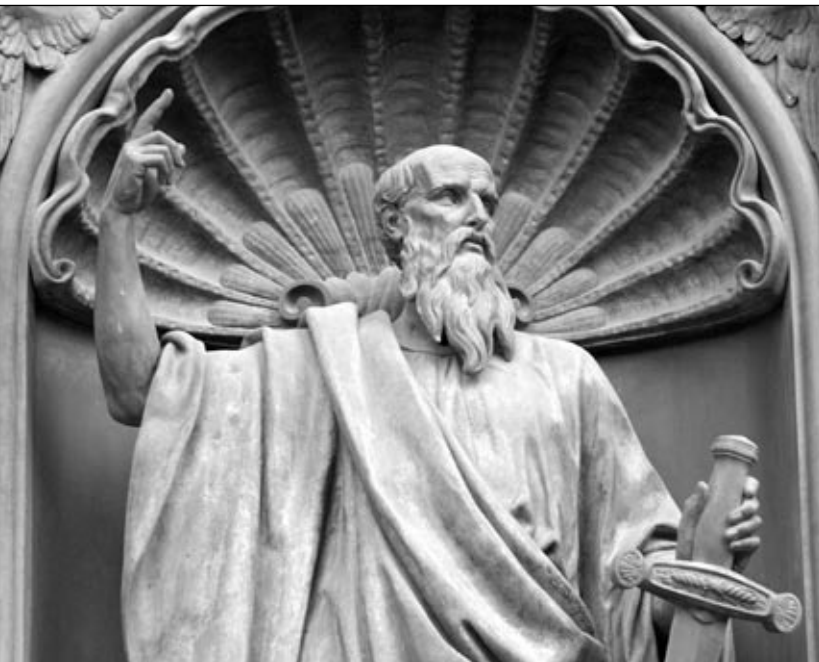
Нельзя не учитывать многоконфессиональности населения Российской Федерации. Это немаловажно для мира и стабильности в жизни общества. Нам, православным, необходимо удержать то, что мы имеем, и передать потомкам посредством преподавания в светских учебных заведениях основ православной культуры.

Вопрос задавала Ольга Сергеева
Фото: Михаил Ивашкевич

ЗНАКИ ИИСУСА

АПОСТОЛ В НЕДЕЛЮ 22-Ю ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

Апостол Павел. Скульптура на фасаде
Исаакиевского собора

Видите, какими большими буквами я пишу вам собственной рукой. ¹²Эти все, которые хотят отличиться плотью, заставляют вас обрезать, заставляя вас только для того, чтобы их не гнали за крест Христов. ¹³Ведь сами они, обрезанные, Закона не соблюдают, но хотят, чтобы вы обрезались. Так они похвалятся вашей плотью. ¹⁴Но чтобы мне хвалиться? Нет, этому не бывает! Разве только Крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят и я для мира. ¹⁵Важно ведь не то, обрезан кто или не обрезан, но то, что он — новое творение. ¹⁶И все те, которые будут следовать этому правилу, — мир на них и милость, и на Израиля Божия! ¹⁷Впредь пусть никто мне не досаждаст, ибо на теле моем я ношу знаки Иисуса. ¹⁸Благодать Господа нашего Иисуса Христа со духом вашим, братия. Аминь.

Гал. 6, 11–18

Перевод архимандрита Ианнуария (Ивлиева)

Предлагаемое чтение из Послания к Галатам имеет очень большое значение. Эти строки завершают послание. Мы знаем, что в те далекие времена письма писались собственноручно очень редко. Как правило, они диктовались специальным писцом, «стенографам» по-гречески, «скорописцам» по-славянски. Сам автор прикладывал свою руку только в конце письма. Апостол Павел, следуя этой древней традиции, тоже диктует свои послания, в конце подписывая их замечательной формулой пожелания благодати Божией, ставшей образцовой для христианских посланий. В Послании к Галатам Апостол отступает от принятого обычая и собственной рукой пишет не только заключительную формулу благопожелания, но весь тот отрывок, который сегодня предложен для нашего чтения. Этот факт подчёркивает важность того, что он желает сообщить в нескольких предложениях.

Апостол пишет «большими буквами». Современный русский читатель, знакомый преимущественно с Синодальным переводом Библии, привык к другим словам: «Видите, как много написал я вам своею рукою». Здесь мы сталкиваемся с переводческой ошибкой. На церковно-славянском языке это место звучит так: «*колицѣми книглами*». Переводчик наивно воспринял славянское слово «книга» как русское «книга», в то время как оно означает «буква». Трудно сказать, почему Апостол писал «большими буквами». Одни предполагают, что тем самым он желал придать большой вес написанному, как бы выделяя его. Другие, как святой Иоанн Златоуст, считают, что эти слова Апостола указывают «не на обширность послания, а на недостаточную красоту почерка». Третьи объясняют размашистый почерк плохим зрением из-за болезни глаз, на которую Апостол намекал уже в этом послании (Гал. 4, 13-15).

Как бы то ни было, завершающий раздел представляет собою как бы итоговую черту под всем Посланием к Галатам. Речь Апостола окрашена искренним чувством и большой проникновенностью. Давно замечено, что всё Послание к Галатам написано по образцу апологии, защитительной речи. Апостол защищает Евангелие, защищает свой апостольский авторитет, который подвергался сомнению и даже совсем отвергался его противниками из числа иудействующих христиан. Как и положено, в конце своей апологии Апостол вкладывает весь авторитет своей личности. Пожалуй, ни одно из других посланий Апостола Павла не имеет такого впечатляющего заключения.

Апостол снова атакует своих противников, как и в самом начале послания, где он предаёт их анафеме за искажение Евангелия и напоминает о возможности спасения для всех людей, а не только для иудеев. Считая, что крестной смерти и воскресения Иисуса Христа для спасения недостаточно, иудействующие христиане настаивали на обрезании и соблюдении закона Моисея, поскольку полагали, что именно от этого зависит спасение, так как Мессия Иисус пришел к обрезанным иудеям, а не к необрезанным язычникам. Побудительные мотивы их поведения Апостол Павел описывает самыми мрачными красками. Их цель — произвести впечатление на людей их миссионерскими усилиями для присоединения к числу обрезанных как можно больше язычников. «Если не обрежетесь, ... не можете спастись» (Деян. 15, 1). Таков был лозунг иудействующих христиан. Центральным здесь было понятие «плоти». Они, как пишет Апостол Павел, «хотят отличиться», то есть покрасоваться «плотью». Они гордились своими «плотскими» преимуществами и «плотским» превосходством. Далее они хотят «похвалиться вашей плотью», то есть заслужить одобрение в Иерусалиме тем, что они обрезали еще нескольких язычников. Слово «плоть», повторяющееся в тексте, здесь означает именно операцию обрезания на человеческой плоти, не на сердце. Бог действительно дал Аврааму заповедь обрезания как знака Своего завета. Но ведь само по себе обрезание на плоти (как внешняя хирургическая процедура) ничего не значило. Об этом говорили уже великие ветхозаветные пророки. Тем не менее иудеи придавали обрезанию принципиальное значение, настаивая, что спастись без него никто не может. То, что такая точка зрения предельно нелепа и граничит с магией, прекрасно сознавал Апостол Павел. Важен ведь не сам знак, а то, что этот знак обозначает, то есть важна вера, самоотдача Богу, посвящение себя Ему. Обрезание плоти символизировало обрезание «сердца». И если такового не произошло, то обрезание плоти теряет всякий смысл. Поэтому важно не то, обрезан ли человек, но то, рожден он или не рожден свыше и является ли теперь новой тварью, новым творением Божиим на месте ветхого творения.

Второй упрек Апостола Павла в адрес его противников касается плохого исполнения Закона

как раз теми, кто и сам обрезан, и других принуждает к обрезанию. Теперь они хотят собственный недостаток исполнения Закона, собственное лицемерие сгладить тем, что они через обрезание успешно присоединяют к Закону других. Этим-то они и хвалятся — «плотью» других.

Поведению противников Павел противопоставляет самого себя. Он не хвалится «плотью» — ни своей собственной, ни чужой. Вместо этого он «хвалится» Крестом Христовым. А Крест как раз и означает уничтожение «плоти», понимаемой как человеческое самохвальство в греховной удаленности от Бога. Похвалы заслуживает только Крест, а не «плоть», которая «желает противного Духу» (Гал. 5, 17), ибо «те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями» (Гал. 5, 24). Никакие человеческие дела, дела «плоти» и мира, не смогли сделать то, что сделал Бог на Кресте, на котором произошло искупление из рабства греху, смерти и Закону. Поэтому мир для Апостола Павла больше не представляет прежней ценности, равно как и его человеческое Я больше не существует для этого мира. Лишенный своей силы и ценности, мир больше не представляет для него никакой угрозы, никакого соблазна, он — в некотором смысле ничто. И наоборот, он для мира больше не представляет никакого интереса: он покинул этот мир. Оба не существуют друг для друга, стали ничем, и всё это через смерть Иисуса на Кресте!

Новый, сотворенный через Крест и Воскресение мир абсолютно не зависит от обрезания или необрезания. Он — «новое творение». Исчерпан старый мир и всё то ветхое, что ему принадлежит (2 Кор. 5, 17). В мире уже присутствует нечто новое, не только в Самом Христе, «первенце из усопших» (1 Кор. 15, 20), но и во всех, которые через крещение вместе со Христом сораспяти и совоскрешены. Так Бог по ту сторону иудейства и язычества во Христе положил новое начало. То, что иудейские пророки ожидали в будущем, уже теперь стало действительностью. Иначе говоря, если уже начался новый мир, а старому пришёл конец, то мы живём уже в конце времён. Мы переживаем переход к уже наступившему новому времени. Будущее — уже настоящее. Таково самоощущение Апостола. Таковым должно быть самоощущение всех христиан как нового Израйля Божия.

Отвергая от себя все досадные разговоры о необходимости обрезания и несения бремени закона Моисея, Апостол Павел ссылается на те рабские «клейма» (так в буквальном переводе), на знаки принадлежности Христу, которые он носит на своем теле. Возможно, это рубцы и шрамы, оставшиеся от побоев и издевательств, которые испытал Апостол за Христа. Вот такими знаками на «плоти» он по праву может хвалиться.

ЦАРСТВО БОЖИЕ В ДЕЙСТВИИ

ЕВАНГЕЛИЕ В НЕДЕЛЮ 22-Ю ПО ПЯТИДЕСЯТНИЦЕ

В то время пришел человек по имени Иаир; он был старейшиной местной синагоги. Припадая к ногам Иисуса, он умолял Его прийти к нему в дом, ⁴²потому что была у него единственная дочь, лет двенадцати, и она умирала. Иисус пошел, а по дороге Его со всех сторон теснила толпа; ⁴³и женщина, которая страдала кровотечениями уже двенадцать лет и потратила на врачей все, что у нее было, и никто не мог ее вылечить, ⁴⁴сзади подошла к Нему и дотронулась до бахромы на краю Его плаща, и тотчас кровотечение у нее остановилось. ⁴⁵И сказал Иисус: «Кто прикоснулся ко Мне?» Между тем как никто не сознавался, Петр сказал: «Наставник, толпа отовсюду окружает Тебя и теснит». ⁴⁶Но Иисус сказал: «Кто-то дотронулся до Меня, ибо я почувствовал, как сила вышла из Меня». ⁴⁷А женщина, видя, что ей не удалось утаиться, с трепетом приблизилась, припала к Его ногам и объявила перед всем народом, по какой причине дотронулась до Него и как тотчас получила исцеление. ⁴⁸Он же сказал ей: «Дочь Моя, твоя вера спасла тебя; иди с миром!» ⁴⁹Он еще говорил, а из дома синагогального старейшины приходит кто-то и говорит: «Умерла твоя дочь! Не беспокой Учителя». ⁵⁰Но Иисус, услышав это, ответил старейшине синагоги: «Не страшись, только веруй, и она будет спасена». ⁵¹А войдя в дом, Он не допустил войти больше никому, кроме Петра, Иоанна и Иакова, и отца, и матери той девочки. ⁵²Все плакали о ней и причитали. Но Он сказал: «Не плачьте! Она не умерла, но спит» ⁵³И над Ним смеялись, зная, что она умерла. ⁵⁴А Он, взяв ее за руку, громко возгласил: «Дитя, встань!» ⁵⁵и возвратился дух ее, и тотчас она встала; и Он велел, чтобы дали ей поесть. ⁵⁶И родители ее были изумлены; но Он наказал никому не говорить о том, что произошло.

Лк. 8, 41-56

Перевод Сергея Аверинцева

В Евангелии нас удивляют рассказы о чудесах, совершенных Христом. Он исцелял больных, повелевал силами природы, даже воскрешал мертвых. Чудеса подтверждают учение Христа о Царстве Божием, изложенное Им в притчах. Чудеса, совершаемые Христом, и притчи, рассказанные Им, имеют глубокую связь.

В 8-ой главе Евангелия от Луки описаны четыре чуда, совершенных Христом, по освобождению людей от влияния темной силы.

Искушая, диавол говорит, что он — господин царств мира сего. И многие люди соглашались с этим, ибо они смотрели

на свою жизнь и жизнь других и видели страдания, несправедливость, болезнь, смерть. Это были знаки того, что их жизнь находится под влиянием злых сил. Люди верили, что причиной болезней являются демоны.

Христос, изгоняя бесов и исцеляя больных, показывал, что люди могут быть освобождены от господства греха в их жизни, если примут Христа.

Освобождение от физических болезней называется в Новом Завете «исцелением». А избавление людей от психических и духовных недугов, как исцеление лунатика или бесноватых, называется «чудотво-

рением». Все сообщения Евангелистов являлись для них знамениями того грядущего исцеления, которое придет к человеку через спасение. Слово «спасение», по-гречески «сотерия», буквально означает «исцеление». Спасение — значит исцеление. Спасение — это исцеление человека от болезни греха, которая поразила человечество со времен Адама. И исцелиться от этой болезни значит спастись.

Исцеления показывают Христа как избавителя человека от власти греха. Но власть дьявола распространилась не только на жизнь отдельного человека, но и на весь окружающий человека мир. Сатана был действительно «князем мира сего», и Христос пришел изгнать его из всех сфер его господства. Так, Он «запрещает» ветру и волнам, как «запрещает» бесам, вредить жизни людей.

Важной частью вести Христа было то, что Он пришел спасти людей во всей среде их обитания. И чудеса, когда он укрощает природу, — поразительное свидетельство этому.

Учение Христа о будущей жизни также присутствует в чудесах. И ярче всего оно показано в воскрешении умерших. Эти чудеса — выражение в действии Его учения о том, что Его последователи будут иметь «жизнь вечную», что конечная власть не за смертью, а за жизнью. И те, кто принимают власть Христа в своей жизни, Его силой преодолеют смерть и обретут жизнь вечную.

Рассказ о воскрешении дочери Иаира является одним из трех зафиксированных в Евангелии случаев воскрешения. То, что вера во Христа есть вера в пославшего Его Отца, Который есть Бог и Господин жизни, Христос демонстрирует странным для присутствующих в доме Иаира заявлением: «она не умерла, но спит». Сон — это состояние, которое предшествует пробуждению. Принимающий власть Христа принимает власть Бога и торжество жизни. Для такого человека нет смерти, а есть уснутие, временный сон, от которого пробудит его Господь.

Воскрешение дочери Иаира не может быть тождественно Воскресению Христову, поэтому к нему лучше применить слово реанимация, поскольку дочь Иаира, прожив какое-то время после своего воскрешения, опять умерла. Ее воскрешение — это возвращение к жизни, а не преодоление смерти.

Женщине, исцеленной от кровотечения, Господь говорит: «Вера твоя спасла тебя». Подобная фраза, указывающая на безусловную связь веры и чуда, не раз повторяется Христом при исцелениях. И наоборот: отсутствие веры у соотечественников Христа было препятствием для совершения Им чуда в Назарете. Неверие фарисеев вело к заключению, что Христос находился в связи с сатаной, поскольку без веры они не могли понять, что чудеса — это знамения Бога. Все это позволяет сделать единственно правильный вывод: для совершения чуда необходимо одно обязательное условие — вера человека. Без веры в Бога невозможно исцеление.

Некоторые исследователи Нового Завета отмечают, что в современной психиатрии «вера» — важная сторона излечения. И они предполагают, что это может объяснить исцеления, совершенные Христом. Но вера, которой добивался Христос, очень отличается от той веры, которую имеют в виду психиатры. Христос требовал не настроения, не предрасположения к исцелению, а безусловного принятия власти Божией. Просить Христа об исцелении — значит верить Богу и Христу как Его Сыну.

Цель чудес можно сравнить с целью притч. Для верующих во Христа они — откровения. Евангельская история дает богатый материал того, как воспринималось чудо неверующим сердцем. В ответ на воскрешение Лазаря члены синедриона приняли решение убить Христа и убить Лазаря, дабы прекратить все разговоры о всемогуществе Христа. А чудо воскресения Христа! Книжники, ученые богословы, которые тщательно изучали все Мессиянские места в Писании, прекрасно знали, Кого они убили. И когда охраняемая римскими солдатами гробница оказалась пустой, они поняли, что Христос воскрес, что Он — Мессия, что Он — Бог. Только веры им это не прибавило, но прибавило злобы, которую они обрушили на последователей Христа.

Все эти примеры свидетельствуют, что само по себе чудо не может пробудить веру. Человек может понять чудо как милость Божию к себе, когда у него уже есть вера. Для примера можно взять реакцию человека религиозного и атеиста на чудо, которое случается со многими людьми. Страшная авария, все погибли, а у одного человека ни единой царапины, хотя находился в самом опасном месте. Нерелигиозный человек скажет: «повезло», «в рубашке родился». Но разве воспримет он это как чудо, как милость Божию? Уверует ли он в Бога? Бывает, конечно, что и через такие ситуации люди приходят к Богу, но далеко не всегда. А для религиозного человека то, что он выжил тогда, когда был должен погибнуть, будет означать только одно: Господь сохранил, Он явил Свою милость, совершил чудо. И такой человек пойдет в храм поблагодарить Бога. И задумается над своей жизнью: это было предупреждением?! Господь дает ясно понять, что что-то в его жизни не так. Он прочувствует, насколько хрупка и непрочна жизнь. Одно мгновения, и все, ради чего ты жил, уже никакого значения не имеет. А с чем предстать перед лицом Божиим? И поэтому человек религиозный увидит в чуде милость Божию к себе и предупреждение, наказание и любовь Божию. Он в любом случае сделает вывод. Вот почему вера необходима при совершении чуда. Она имеет воспитательное значение: чудо призвано изменить человека и укрепить его веру. Но укрепить можно только то, что уже есть.

БЛАЖЕНСТВО ИЗГНАННИКОВ

«Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас» (Мф. 5, 10-12)

Восьмое и девятое блаженства могут вызвать чувство недоумения: настолько они противоречат, как может показаться на первый взгляд, всяким человеческим представлениям о счастье. Легко ли согласиться с тем, что счастье — это когда тебя преследуют, когда на тебя клеветают и о тебе злословят? Не является ли такое счастье утопией? Каждый скептик-реалист прав по-своему, и, если воспринимать эти слова Спасителя как некий категорический императив, как безусловный принцип человеческого поведения, они остаются утопией. Но чтобы их понять, следует для начала взглянуть на мир, каким он смотрит на нас не с рекламных плакатов в супермаркете, а в окружающей действительности. Сумму всех человеческих несчастий и страданий Владимир Соловьев выразил в простых словах: «Смерть и время царят на земле...». Зло своей беспредельностью в этом мире бросает вызов человеческому разуму, требует ответа, который соответствовал бы его масштабам. Нагорная проповедь дает именно такой ответ. Беспредельности зла и насилия в этом мире Спаситель противопоставляет беспредельность добра и любви.

Как тут не возмутиться, не обвинить в попустительстве злу? Конечно, следуя логике мира сего, в ответ на каждую взорванную бомбу должна последовать адекватная реакция. Почему бы в ответ не взорвать свою бомбу? Конечно, в правовом государстве существуют законы, запрещающие творить самосуд, но люди в повседневной жизни чаще руководствуются совершенно иными представлениями. Реальность такова, что только евангельские блаженства являются такой силой, которая способна изменить мир, поставить его с головы на ноги. Если б не было людей, живущих духовной жизнью, человечество давно захлебнулось бы в потоках невинной крови.

Можно с полным основанием сказать, что евангельские блаженства «экстремальны», и в этом они соразмерны нашему негоднованию перед тайной зла и насилия, которые человек способен сотворить в этом мире. Увещание Спасителя радоваться и веселиться удваивает ликование Его учеников, посреди всех испытаний жизни для них самое важное — оставаться сынами Царства. Подлинная сила духа открывается в том спасении, которое Бог дает верующим в самой смерти. Перед лицом гонений у мучеников и исповедников

нет иного оружия, кроме истины, веры и молитвы. Во все времена им нечего терять, потому что их жизнь принадлежит Богу. Наша недавняя история убедительно свидетельствует, что только сила духа позволяет человеку пройти сквозь такие испытания, которые превосходят все человеческие силы.

Блаженны изгнанные за правду! Относятся ли эти слова к правдоискателям, которые фанатически отстаивают свои, пусть даже самые правильные, но свои собственные убеждения? Относятся ли они к людям, которые привыкли демонстрировать окружающим свое диссидентство, свое благочестие или праведность? Разве мы не знаем из истории, что не все те, кого преследуют за «правое дело», действительно оказываются гонимыми за правду? Даже когда речь идет о борьбе за свободу религиозных убеждений...

Псалмы доносят до нас голоса праведников, взывающих к Богу о защите и помощи. Со всех сторон они претерпевают притеснения за свою верность Завету и решимость жить по воле Божией. От Каина и Авеля и до скончания века нечестивые преследуют праведников. Саул враждует против Давида, «мужа по сердцу Бога». Пророк Даниил брошен в львиный ров, потому что высотой духа вызывал ревность остальных князей и сатрапов. Фарисеи ненавидят Христа, ортодоксальные иудеи — апостола Павла, и во все времена идет борьба сынов века сего с сынами света.

Гонения — не только политическая реальность, но и духовная неизбежность. Господь предупреждает апостолов, что им тоже предстоит столкнуться с этим вечным непониманием и враждой. «Если мир вас ненавидит, знайте, что Меня прежде вас возненавидел. Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое; а как вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир. Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше» (Ин. 15, 18-20). Апостол Павел пишет в утешение Тимофею, которому пришлось сполна испытать чашу испытаний: «...все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (Тим. 3, 12).

Нередко гонения принимают формы прямого насилия, как это происходило и происходит, например, в мусульманских или коммунистических странах. Нередко они принимают более изощренные и скрытые формы. Но всегда речь идет не просто о нелюбви или безразличии, а именно о ненависти, о той разрушительной страсти, которая побуждает нечестивого человека уничтожить праведника только за то, что тот сделал свой выбор между соблазнами града земного и правдой града небесного. Но не является ли этот выбор формой эскапизма, не являются ли порой разговоры о вещах духовных иллюзорным бегством от реальности?

В истории человечества случаются роковые моменты, когда сопротивление миру для христиан

фактически становится формой самоубийства. В один из таких моментов Христос просит Петра вложить меч обратно в ножны (Мф. 26, 52). В такие моменты от человека требуется особая сила духа, чтобы принять неприемлемое, вынести невыносимое, на языке христиан — принять Страдания.

Во все времена, чтобы выжить в «плюралистическом» мире, необходимо идти на компромиссы с совестью, но для христиан путь компромиссов закрыт, этим объясняется гнев мира, о котором говорится в Евангелии: «Вы не от мира, но Я избрал вас от мира, потому ненавидит вас мир» (Ин. 15, 19). Во II веке об актуальности этих слов Спасителя в контексте своего времени пишет неизвестный автор знаменитого письма к Диогнету: «Иудеи вооружаются против них как против иноплеменников, и эллины преследуют их, но враги их не могут сказать, за что их ненавидят». Чтобы объяснить этот парадокс, автор прибегает к весьма красноречивому образу: «Что душа для тела, то христиане для мира. Душа распространена по всем членам тела, и христиане — по всем городам мира. Душа, хотя обитает в теле, но не телесна, и христиане живут в мире, но не суть от мира... Плоть ненавидит душу и воюет против нее, ничем не будучи обижена, потому что душа запрещает ей предаваться удовольствиям, так и мир ненавидит христиан, от которых он не терпит никакой обиды, за то, что они вооружаются против его удовольствий».

Евангелие увещает претерпевать гонения с радостью, не отвечать на ненависть ненавистью, любить врагов и благословлять проклинающих. Вот что пишет автор этого письма о таких христианах: «Душа любит плоть свою и члены, несмотря на то, что они ненавидят ее, и христиане любят тех, которые их ненавидят... Бессмертная душа обитает в смертном жилище; так и христиане обитают, как пришельцы, в тленном мире, ожидая нетления на небесах. Душа, претерпевающая голод и жажду, становится лучшей, и христиане, будучи наказываемы, каждый день более умножаются. Так славно их положение, в которое Бог определил их и от которого им отжаться нельзя».

С древнейших времен христиане были гонимы сначала как «неверные иудеи» за то, что исповедали мессианство Иисуса Христа, затем — как «неблагонадежные подданные» Римской империи, потому что жили как сыны Царства Христова и отличались от остальных граждан империи своими представлениями о религии и морали.

Блаженство гонимых, которое завершает собой поэму о счастье, — самое парадоксальное. Мир ненавидит Бога, и если мир сей ненавидит христиан за их верность Христу, то это служит свидетельством того, что им действительно удается оставаться сынами царства света посреди царства тьмы. И как не возрадоваться о том, что тебе дано «... ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него» (Флп. 1, 29)!

ПОГИБ ПОЭТ...

УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ ЯРКИЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА, ПРАВОСЛАВНЫЙ ПОЭТ

ОЛЕГ ОШАПКИН

Однажды в начале 60-х годов молодые, совершенно не советские и потому гонимые властью поэты Иосиф Бродский и Олег Ошапкин забрались на колоннаду Исаакия и долго читали там друг другу стихи. Вдруг Бродский остановился и воскликнул: «Олежка, через двадцать лет ты получишь Нобелевскую премию!».

Через двадцать пять лет И. Бродский, разделенный с Родиной океаном, сам стал Нобелевским лауреатом. А в СССР завершались годы застоя, начиналась «перестройка».

Его друг Олег Ошапкин все так же жил, как многие его единомысленные сверстники, в Ленинграде и продолжал называть свой город еще не возвращенным ему исконным именем («Кто там скачет, хохочет и выюгой гремит? Это Санкт-Петербург. Бронза, хлябь и гранит. Не Орфей, не Евгений, но, ветром гоним, со стихией — стихия — беседа с ним»). Продолжал молиться в любимом Никольском соборе, который не был закрыт, — там, посередине, прямо под куполом, строго напротив Царских врат было его заветное место, где те самые взвешенные силы, которые он хорошо чувствовал, «хорошо расположены». Продолжал бродить по улицам, здороваясь чуть ли не на каждом углу с друзьями и знакомыми, которых у него, по природе общительного, было фантастически много...

Широкой публике он так и не был известен. Только с наступлением религиозной и политической свободы он смог легально издавать поэтические сборники (первый вышел в Париже в 1989 году), публиковаться в толстых литературных журналах «Знамя», «Нева», «Аврора».

Оставаясь при этом все таким же неустроенным в жизни: без работы, без денег, без семейного и бытового благополучия. Перепробовал множество специальностей — от дворника, грузчика и оператора котельной — до литературного секретаря писательницы Веры Пановой. Ему помогали Дмитрий Шагин, Юрий Шевчук, Михаил Шемякин и еще многие, кто понимает, что истинный поэт потому и поэт, что живет в этом мире как птица небесная в своем собственном пространстве, и нищета его роскошна.

Ошапкин как яркий представитель «второй» или неофициальной культуры был в жизни, даже по завершении ее, совершенно «неофициальным». Сообщение о его смерти впервые появилось не в официальных СМИ, а на страницах интернет-блоггеров.

В ЖЖ распространили информацию о том, что он умер рано утром 30 сентября в больнице, куда попал после пожара, устроенного им (якобы «по пьянке») в доме сестры. Она вызвала «скорую», наглотавшегося дыма мужчину увезли и оставили на ночь в палате одного, беспомощного. Смерть наступила от сердечной недостаточности (читай — от недостаточной сердечности). «К нему просто никто не подошел», — пишет интернет-автор.

Фактически поэт погиб от невнимания медиков.

Его похороны стали, может быть, последним большим сбором семидесятников — представителей того, увы, уходящего племени, чья ленинградская молодость уже в истории XX века. Какое это болезненное, печальное и усталое слово — семидесятники. Для инакомыслящих — жизнь под надзором, преследование и высылка, в лучшем случае — за границу, в худшем — на дальние поселения либо — в психушку.

Последнего не удалось избежать и Олегу Ошапкину: поэта, печатавшегося в эмигрантских журналах, не раз травил психотропными ядами, признавая в нем шизофреника... Не за политические взгляды — за религиозные. За естественное человеческое стремление к Богу, которое на юридическом языке называется проявлением свободы совести.

Его отпевали в храме Спаса Нерукотворного Образа на Конюшенной, где когда-то всенародно было совершено церковное прощание с Александром Пушкиным. С тех пор здесь повелось почитать многих мастеров этого чудного ремесла — русской словесности. Олег Александрович вошел в число сих избранников Божиих. Помолиться о нем пришло человек семьдесят. Это были его ровесники. Кто-то стоял, опираясь на палочку, кто-то сидел: плохо с сердцем. Их изрядно потрепала жизнь.

Речей не было. Лишь выходя из храма, кто-то вспомнил, что Олег любил Спас и с этим Божиим образом связывал какие-то ведомые только ему самые незабываемые впечатления жизни. Гуляя по городу, он часто любовался «Спасом-на-Крови».

Последний покой поэт обрел на Волковском кладбище. Если будете там, помолитесь на его могиле, ее нетрудно найти на Пещерной дорожке.

АКТЕРУ, ВЫРАЗИВШЕМУ ЭПОХУ

Символом огромной и нелегкой жизни, прожитой выдающимся актером и человеком, почетным гражданином Санкт-Петербурга Кириллом Лавровым (1925–2007), стал высокий, в два человеческих роста, Голгофский крест из карельского гранита, освященный 20 сентября на могиле народного артиста СССР. Скульптор Геннадий Пейчев установил его на мощном валуне, что усиливает впечатление величественности символа православной веры.

Помянуть своего художественного руководителя на Богословское кладбище приехали артисты Большого драматического театра имени Георгия Товстоногова и деятели культуры Санкт-Петербурга. Среди тех, кто возложил цветы к памятни-

ку и возжег возле него поминальные свечи, были актеры Алиса Фрейндлих, Валерий Ивченко, Владимир Рецептер, художественный руководитель БДТ Темура Чхеидзе, режиссер Александр Белинский, председатель комитета городской администрации по культуре Антон Губанков. Венок из свежих бордовых роз был возложен от имени губернатора города Валентины Матвиенко.

Церемонию открытия памятника приурочили к двум датам: 15 сентября — день рождения актера, а 19 сентября — день его именин. Чин освящения и панихиду совершил настоятель Леушинского подворья северной столицы протоиерей Геннадий Беловолов. В храме этого подворья в Озерном переулке Санкт-Петербурга, где жила семья Лавровых, их сын был крещен вскоре после рождения в 1925 году, здесь же в 2007 году его отпевали.

«Именно такой большой крест — памятник духовной победы — и должен стоять на могиле нашего последнего «леушанина», который помнил свои детские впечатления от посещения храма и вернулся в него в конце жизни. Крест и молитва — самые дорогие подарки, которые может получить сейчас от нас Кирилл Юрьевич, и мы верим, что Господь принял его душу в Царствии Небесном», — отметил отец Геннадий. По его мнению, актер, сделавший нравственный выбор и нашедший свой путь к Богу, служит примером для творческой интеллигенции. Ведь она во многом ответственна за царящую в обществе бездуховность.

Широкой публике Лавров стал известен по ролям Ленина, но одной из последних его работ стала звучащая как завещание роль Понтия Пилата в телесериале «Мастер и Маргарита». Многие наши современники узнали в этом образе самих себя, на каждом шагу преступающих законы Божии и предающих самого Христа... Безусловно, Лавров — это актер, выразивший эпоху.

В апреле 2007 года он был похоронен рядом со скончавшейся ранее женой. Теперь две могилы объединены в единую композицию: один крест на двоих, ведь актриса Валентина Александровна Николаева, исполнив завет Христов, достойно несла бремя супружества. Именно она, воцерковившись первой, горячо молилась о муже.

В том, что лучшей памятью о Кирилле Лаврове станут не улицы и мемориальные места, названные его именем, а крест на могиле, уверена его дочь — актриса БДТ, заслуженная артистка России Мария Лаврова. «Я хотела бы, чтобы память об отце жила в человеческих сердцах, чтобы отца поминали в день его рождения и кончины, чтобы сюда, ко кресту, приходили люди», — сказала она корреспонденту «Воды живой».

Елена Югина

Фото: Станислав Марченко

МОЛИТВА НА ЛИТЕРАТОРСКИХ МОСТКАХ

В

первые после 72-летнего перерыва состоялось богослужение в храме Воскресения Слоущего на Литераторских мостках Волковского кладбища. Служба состоялась 26 сентября.

Возвращение храма к жизни стало возможным после подписания летом 2008 года соглашения о совместном использовании памятника Музеем городской скульптуры и Санкт-Петербургской епархией.

Напомним, попытка вернуть храм верующим впервые была предпринята в 1990 году. Но лишь с 2004 года, когда был зарегистрирован приход, появилась надежда на возвращение в заброшенную кладбищенскую церковь молитвенной жизни.

Службу, на которую собралось около ста человек, приурочили к храмовому празднику Воскресения Слоущего. Он отмечается 26 сентября по новому стилю в память освящения иерусалимского храма Воскресения Христова в 335 году. Божественную литургию в сослужении с протоиереем Александром Ганьжиным и другими священнослужителями епархии совершил настоятель храма протоиерей Феодор Маркович.

В храме пока ничего нет, даже иконы стоят на подоконниках... По окончании службы священник сердечно поблагодарил всех, кто внес лепту в возрождение еще одной знаменитой петербургской святыни. «Первым делом мы убрали статую Александра Радищева — это то, что осталось от экспозиции, посвященной деятелям «революционно-освободительного» движения в России. Устроили престол, приобрели все необходимое для полноценного богослужения. И вот теперь у нас настоящий праздник», — рассказал отец Феодор.

Впервые за многие годы служилась и соборная панихида по многим выдающимся историческим деятелям, покоящимся вокруг храма. Среди них Иван Гончаров, Александр Куприн, Дмитрий Менделеев, Иван Павлов, Александр Блок, Григорий Козинцев, Ольга Берггольц, Агрипина Ваганова, Юрий и Андрей Толубеевы. Такие поминовения станут регулярными. «За многих из тех, кто здесь похоронен, уже некому подать записки, поэтому мы сами составим помянник и будем молиться за их упокоение. Это наш христианский долг», — отметил отец Феодор.

Храм Воскресения Слоущего на Литераторских мостках — памятник архитектуры федерального значения. Он был построен в стиле классицизма предположительно по проекту знаменитого зодчего Ивана Старова в 1785 году на месте сгоревшей деревянной церкви. В 1936 году его закрыли, затем передали музею-некрополю. Долгое время храм использовался как выставочный зал, а на месте алтаря находился туалет.

Памятник церковной архитектуры нуждается в восстановлении. Прежде всего будут воссозданы дореволюционный иконостас и настенные росписи. Храм остается в государственной собственности. Богослужения в нем будут совершаться по праздничным и воскресным дням, а также в дни поминовения усопших, поскольку он находится на кладбище. В ближайшее время приход откроет лавку, и тогда посетители одного из старейших петербургских погостов смогут в дневное время побывать в храме и заказать в нем требы.

Елена Югина

Фото: Станислав Марченко

Диалог продолжается

С 18 по 24 сентября в Санкт-Петербурге проходили XIV богословские собеседования представителей Русской Православной Церкви и Евангелическо-Лютеранской Церкви Финляндии. Главой российской делегации был митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир, финской — архиепископ Турку и Финляндии Юкка Паарма.

Официальные встречи делегаций двух Церквей проводятся регулярно уже почти 40 лет, с 1970 года.

Ключевыми темами собеседований на этот раз были: христианский взгляд на права человека и вопрос о религиозном воспитании в светском обществе.

Особую остроту дискуссии придал трагический инцидент, произошедший в дни собеседований в Финляндии. 23 сентября в одном из колледжей в городе Каухайоки 22-летний студент Матти Юхани Саари, натянув на лицо лыжную маску, стал методично расстреливать соучеников и преподавателей. «Это трагическое событие является наглядным примером нехватки религиозного воспитания в нашем обществе и недостатка внимания со стороны окружающих к таким людям», — заявил архиепископ Юкка Паарма в интервью нашему корреспонденту.

Обсуждение показало, что взгляды православных и лютеран на религиозное образование весьма близки. Члены обеих делегаций высказались в пользу обязательного преподавания основ религиозной культуры в светской общеобразовательной школе. Наиболее ясно эту точку зрения выразил делегат Русской Православной Церкви, референт петербургского отделения ОВЦС иерей Владимир Хулап. «Оппоненты, выдвигающие распространённый либеральный аргумент «ребенок должен сам выбрать религию, когда вырастет», зачастую забывают о том, что решение можно принимать только в пользу или против того, о чем знает человек, — напомнил отец Владимир. — Поэтому запрет знакомиться с основами религиозной культуры своей страны означает ущемление прав школьника, в том числе в перспективе его дальнейшего жизненного выбора. У всех детей возникают основополагающие вопросы о смысле жизни и сущности религии, ответы на которые нельзя просто «отодвинуть» до периода совершеннолетия. Эти якобы пустые религиозные страницы в книге жизни все равно будут заполнены, к сожалению, как показывает опыт, нередко эзотерическим или сектантским псевдорелигиозным суррогатом».

Учитывая бурные дискуссии, продолжающиеся в нашей стране вокруг вопроса о преподавании основ православной культуры, особенно одобри-

тельный отклик среди российской делегации нашли слова финского профессора Юри Коммулайнена о том, что никакое образование в принципе не может быть мировоззренчески нейтральным.

В отношении понятия прав человека между православными и лютеранами не было подобного единства мнений. Православная Церковь не принимает концепции прав человека в отрыве от нравственности, — пояснил корреспонденту «Воды живой» член российской делегации, заместитель председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата протоиерей Всеволод Чаплин. — Для нас права человека действительны только там и тогда, когда они не вступают в противоречие с заповедями Божиими. Для лютеран же права человека — это самоценное понятие, объективная данность».

В то же время в итоговом документе собеседований провозглашается, что «богословские взгляды Церквей на ценность человеческой личности и на права человека, а также на право на религиозное воспитание близки».

Обе стороны подтвердили, что «существование человека предусматривает как права, так и обязанности», что, «осуществляя права человека и свободы, христиане должны следовать примеру своего Господа и быть верными заповедям Божиим (Мк. 10, 29–31)», и это «предусматривает ответственность перед ближними и обществом».

Также делегации сошлись во мнении, что «включение религиозного образования в школьную программу не нарушает принципа светскости образования».

Полный текст документа представлен на официальном сайте Русской Православной Церкви (www.mospat.ru).

Анастасия Коскелло
Фото: Юрий Костыго

ХРАМ ДЛЯ «НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ»

Церковь объединяет людей вне зависимости от их возраста, социального статуса, физических или интеллектуальных способностей. Господь призывает к Себе, в свою Церковь, всех людей вообще и каждого человека лично. И библейские слова о том, что человек сотворен как таинственный образ Бога, тоже относятся и ко всем людям, и к каждому человеку в отдельности.

В том, чтобы дать человеку тот импульс, который поможет ему раскрыть заложенное в нем духовное измерение и обрести свои личные отношения с Богом, и видит свою задачу священник Михаил Браверман, уже семь лет работающий с теми, кого принято называть «трудными подростками».

В нашем городе существует уникальный социальный проект — специальное предприятие «Новое поколение», куда молодые люди чаще всего попадают по направлению из милиции или Комиссии по делам несовершеннолетних. За 15 лет его существования через него прошло около 15000 человек; в настоящий момент здесь более 1200 воспитанников в возрасте от 14 до 19 лет, которые имеют возможность работать и честно зарабатывать деньги. Настольные игры отличного качества, изготовленные их руками, продаются по всей России. Кроме того, молодые люди получают здесь среднее образование, различные специальности, медицинскую и психологическую помощь. А теперь они еще имеют возможность общения со священником. «Новое поколение» — это самый крупный проект по работе с трудными подростками не только в России, но и во всей Европе. Это действенный позитивный опыт оздоровления общества, профилактика повторных правонарушений (рецидивов здесь менее 1%); а для отсутившихся или просто попавших в трудную

жизненную ситуацию подростков это реальная возможность начать новую полноценную жизнь.

В этом году по благословию митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира в «Новом поколении» была сформирована церковная община, и сейчас на территории предприятия идет подготовка к строительству храма.

О надеждах, связанных с этим храмом, говорят сотрудники и друзья «Нового поколения».

МИХАИЛ ГЕОРГИЕВИЧ ДМИТРИЕВ,
УЧИТЕЛЬ, НОМИНАНТ ПРОЕКТА «ЛУЧШИЕ ЛЮДИ РОССИИ»,
ДИРЕКТОР «НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ»:

— Как раз для тех детей и молодых людей, которые себя потеряли (а люди, которые пошли по неправильному пути, несомненно, себя потеряли) нужен храм, потому что они-то и нуждаются в исправлении, в первую очередь — в духовном. Это та существенная часть жизни и воспитания, которой они были лишены. Может быть, потому, что в их семьях, по большому счету, воспитанием никто не занимался. Не было отца и матери, которые действительно могли бы научить и посоветовать. И в той взрослой жизни, которая у них начинается, духовную составляющую может дать только обращение к Богу и к Церкви. И самое для них главное, поверьте мне, что дает Церковь, — это Слово Божие. Они, я подчеркиваю это, должны его услышать, потому что они его никогда не слышали. И наша задача, задача храма, который мы строим — донести Слово Божие до них. Может быть, все они и не станут религиозными и верующими людьми (это тайна отношений души и Бога), но мы уверены, что Слово Божие, которое они услышат, в дальнейшем существенно повлияет на их поведение. И я с оптимизмом смотрю на то, что общество, пусть очень тяжело и потихонечку, но приходит к пониманию значимости воспитания человека и той роли, которую в этом процессе может сыграть Церковь.

ИЕРЕЙ МИХАИЛ БРАВЕРМАН,
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРИХОДСКОГО СОВЕТА:

— Когда руководство «Нового поколения» впервые пригласило меня, чтобы провести беседу с молодыми людьми, я был приятно удивлен теми условиями, в которых они находятся, и теми усилиями, которые прилагают сотрудники предприятия для того, чтобы у этих ребят действительно был шанс вырасти людьми достойными. Я остался в «Новом поколении» и, общаясь все эти годы с молодыми людьми, пытался донести до них мысль, что мир не ограничен только компьютерным клубом или ларьком с пивом, что в этом мире есть подлинная красота, а в жизни есть смысл. И что для того, чтобы быть истинно счастливым человеком, надо знать и помнить о Боге.

НАТАЛЬЯ ЕВГЕНЬЕВНА РЫЖАКОВА,
СОТРУДНИК ПРЕДПРИЯТИЯ, ЧЛЕН ПРИХОДСКОГО СОВЕТА:

— Подросткам свойственно противопоставлять себя миру взрослых. В планах же «Нового поколения» — участие молодых людей в самом строительстве храма; для ребят вся территория предприятия является их миром (там они проводят свое время, там есть их спортплощадка), а теперь там будет еще и их храм, который будет тоже частью их мира.

МИШЕЛЬ ОБРИ,
ГЕНЕРАЛЬНЫЙ КОНСУЛ ФРАНЦИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:

— Конечно, храм должен принимать всех людей независимо от их возраста или социального положения, но опыт показывает, что в некоторых случаях важно, чтобы люди, имеющие общие проблемы, могли собираться в одном храме и там вместе молиться и общаться. У подростков схожие трудности, и в этот период своей жизни они должны иметь возможность встречаться друг с другом в своем храме. В этом, по-моему, и есть главный смысл создания такого храма. Важно, чтобы молодые люди почувствовали себя в храме своими. У нас во Франции для этого существуют специальные мессы для молодежи, а здесь это может быть особый храм, где молодые люди будут приняты с особым вниманием, хотя, как я знаю, этот храм будет приходским и открытым для всех людей.

БОРИС АЛЕКСАНДРОВИЧ ПОДОЛЬСКИЙ,
АРХИТЕКТОР, ДИРЕКТОР ГИПРОНИИ АКАДЕМИИ НАУК,
КУРАТОР СТРОИТЕЛЬСТВА ХРАМА:

— Когда-то, когда мы еще учились в институте, нам читали лекции по истории архитектуры, где рассказывали о фашистской архитектуре 30-х годов в Германии: страшные серые коробки, выражающие бездуховность, убогость, ущербность этой среды. Потом я сам увидел эти районы, и они оказались намного лучше, чем наши «спальные» районы, те районы, в которых растут эти дети и которые накладывают отпечаток на их общественное сознание, искажая его. (Комментарий иерея Михаила: «Храм — это живая молитва, это история, традиция, это архитектура и целый мир церковного искусства. И когда храм возникает среди «спальных» районов — это еще и освящение пространства вокруг церкви»).

ВАЛЕНТИНА ИВАНОВНА МАТВЕЕВА,
КИНОРЕЖИССЕР, АВТОР ФИЛЬМОВ О ВЛАДЫКЕ
АНТОНИИ СУРОЖСКОМ:

— Я иногда не могу читать церковные книги, которые написаны на языке 18-19 вв. Все так сладко, что может даже отвратить от Церкви, потому что с людьми надо говорить на их языке. Но говорить так, особенно с людьми молодыми, чтобы они поняли, что с ними не заигрывают, что им не потакают. Священник должен стать для них интересен как человек, который исповедует Христа, и этот

интерес к священнику может возбудить в них интерес к Христу и Церкви. С молодыми людьми, конечно, нужно говорить на их языке, но не на «фене» или молодежном жаргоне: с ними нужно говорить о тех вещах, которые будут им абсолютно понятны, и через эти понятные вещи — переходить к высокому и сложному.

ЕЛЕНА БАБИНА,
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ, ДИРЕКТОР ФИРМЫ «НЕВА-ПАРФЮМ»:

— Пару лет назад один батюшка разрешил мои сомнения в важном деле такими словами: «Главными на жизненном пути станут те дела и поступки, что идут во славу Божию». С этой мыслью я теперь стараюсь жить. И если постройка этого храма сможет помочь новому поколению молодежи — поколению наших детей, — то замечательно, что мы можем в этом хоть как-то поучаствовать.

ИРИНА МИХАЙЛОВНА МЕЛЬНИКОВА,
МАТЬ ПЯТЕРЫХ ДЕТЕЙ:

— Для чего нужен именно свой храм «Новому поколению»? Для того, чтобы донести до молодых людей, что Господь возлюбил не просто всех, но — тебя, Колю, Васю, Петю... Ведь у них у всех — дефицит любви, и все правонарушения в обществе тоже из-за дефицита любви. А тут мы им доносим мысль, что Бог отдал самое дорогое — Своего Сына, чтобы Он пролил кровь за тебя. Для чего? Для того, чтобы ты — Петя, Вася, Коля... — имел Жизнь вечную. И Господь тебе протягивает руку. Но от тебя тоже требуется протянуть руку Богу. И Он терпеливо ждет, пока ты ответишь ему. И когда ты ответишь Богу и пойдешь этим путем, ты увидишь, как меняется твоя жизнь, как меняется мир вокруг тебя.

*Подготовил иерей Михаил Браверман
Фото: Сергей Бударин*

Священник Михаил Браверман и руководство «Нового поколения» обращаются ко всем, у кого есть желание и возможность, с просьбой принять посильное участие в создании этого храма, который будет посвящен Всем Святым, в Земле Российской просиявшим.

Расчетный счет:
ИНН 7807061710
КПП 780701001 Православная местная религиозная организация «Приход храма Всех святых, в земле Российской просиявших, на ул. Доблести»
Расчетный счет 40703810255240000014 в Северо-Западном банке Сбербанка РФ г. Санкт-Петербург БИК 044030653
Кор. счет 30101810500000000653.
Контактный телефон: 8-950-039-31-89

МАНЕЖ
КАДЕТСКОГО КОРПУСА

Посетители многочисленных выставок и концертов, проходивших в этом здании, как правило, знают только его название: Манеж Первого сухопутного шляхетского кадетского корпуса. Спускаясь по выточенным из путиловской плиты ступеням (за два с половиной столетия культурный слой вырос изрядный), они минуют сверкающий свежей жёлтой и белой краской барочный фасад и попадают в деловую или праздничную суету главного зала, где об истории уже не задумываешься.

Здание это примечательно хотя бы своим возрастом (в следующем году ему исполнится 250 лет), а импозантный облик ничуть не уступает соседям — Меньшиковскому дворцу и Двенадцати коллегиям. Лучковый фронтон украшен рельефным изображением палаша и кадуцея — знаками военных и мирных занятий.

История Первого сухопутного шляхетского кадетского корпуса связана с историей Меньшиковского дворца. «Полудержавный властелин» получил эту часть Васильевского острова ещё в 1703 году. Первоначально дворец был деревянным и, как многие петербургские дома того времени, был выкрашен под кирпичную кладку. Зажиточная русская усадьба немыслима без храма. Вот и в усадьбе Меньшикова была мазанковая церковь, построенная в 1714 году архитектором И. Г. Шеделем. В присутствии Петра I освященная во имя Воскресения Словущего, стояла она как раз на месте манежа. Церковь отличалась высокой колокольной, хорошо заметной с Невы, и курантами на четыре стороны. Храм простоял недолго: уже в 1730 году он был разобран за ветхостью, а убранство было передано в домовую церковь Кадетского корпуса, разместившуюся в перестроенном Ассамблейном зале.

Сам Кадетский корпус был основан императрицей Анной Иоанновной в 1731 году и размещался на территории усадьбы попавшего в опалу Меньшикова. Первый набор состоял из 200 кадет исключительно дворянского происхождения. Их разделили на две роты и поселили в специально построенном вдоль Кадетской линии здании. В дальнейшем количество кадетов и их организация неоднократно менялись. Главное, что оставалось неизменным, — это то, что в кадеты поступали мальчики от семи лет, поэтому первые несколько лет они находились на попечении класных дам, а не офицеров. Обучение продолжалось более 10 лет, и всё это время будущие офицеры находились на казарменном положении, им не разрешались даже короткие отпуска, так что, отдавая детей в корпус, родители могли больше никогда с ними не увидеться. И все же в кадеты детей отдавали охотно: война или государственная служба — достойное дворянина занятие, а в другие школы принимали и купеческих детей.

Кадеты занимались строевой подготовкой, (тогда это называлось солдатской эскерцией), а также верховой ездой. Вот для неё и был постро-

ен рейтбан — по-немецки, а по-французски — манеж. Первый деревянный рейтбан был построен по проекту архитектора И. Бланка почти сразу же после основания кадетского корпуса, но быстро обветшал и в 1759 г. был заменён ныне существующим зданием, возведённым под надзором архитектора И. Шумахера.

Основной объём здания занимал манежный зал, где и проходили упражнения в верховой езде. Небольшой флигель со стороны набережной предназначался для почётных гостей, позже здесь разместилась типография Кадетского корпуса.

Когда кадеты покинули здание, то вплоть до 1917 года здесь находились Главное управление военно-учебных заведений и Архив. При советской власти его занимали Военно-политическая, а с 1937 года — Военно-транспортная академия. В последние десятилетия здание являлось частью Военной академии тыла и транспорта и постепенно ветшало.

К началу 2000-х годов комплекс Кадетского корпуса напоминал руину: частично отсутствовала кровля, стены насквозь пропитались водой. К юбилею Северной столицы Манеж восстановили. В 2002-2003 годах силами компании «Лапин Энтерпрайз» была проведена реставрация фасадов и кровли зданий с сохранением их первоначальной конфигурации, была понижена территория вокруг манежа до первоначальных отметок и отмостки, осуществлено восстановление баз пиллястр, ремонт бульжной отмостки. На фасадах были отреставрированы рельефные элементы декора, воссозданы баллюстрады парапетного ограждения кровли, балкон южного фасада. Также была благоустроена территория.

При производстве работ применялись только импортные высококачественные материалы. Объём кровельных работ был небольшой, но очень трудоёмкий: высокая концентрация сложных элементов (тумбы, люкарны) в районах постоянных желобов, устройство мансарды, утепленная кровля по рулонной технологии на двойной фальц. Материал, используемый при ремонте кровли здания, — финская оцинкованная сталь, которая по своим свойствам приближается к меди. Это очень качественное покрытие с гарантией 50 лет.

При реставрации фасада применялась дорогая силиконовая программа. Натуральные силиконовые краски не выцветают и обеспечивают хороший результат. Срок службы такого фасада около 10 лет.

Теперь в Манеже проводятся массовые мероприятия — выставки, концерты, банкеты, поскольку Манеж может вмещать до 1500 человек.

Александр Воеводский

Рубрика выходит при поддержке реставрационной компании «Лапин Энтерпрайз»

МОГУТ ЛИ ЦЕРКОВНЫЕ СМИ ДИСКУТИРОВАТЬ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕМЫ?

«НЕТ»

АНДРЕЙ ЗАЙЦЕВ,
ОБОЗРЕВАТЕЛЬ ПОРТАЛА «РЕЛИГИЯ И СМИ» (МОСКВА):

— Мне кажется, что политическим дискуссиям действительно не место в церковных изданиях. Церковь не может быть разделена по какому-то политическому принципу. Для освещения политики нужна глубокая «прошколенность», которой у нас, церковных журналистов, сегодня нет. Учитывая нашу историческую почву, можно сказать, что у Церкви в России слишком велик соблазн стать придатком власти. Поэтому мы попросту не готовы к таким дискуссиям. Вот разговор на социальные темы — это то, что может привлечь к Церкви людей, в том числе молодежь, и разрушить представление о Церкви как о какой-то структуре обслуживания политических амбиций, как о каком-то «бомонде».

ПРОТОИЕРЕИ ВЯЧЕСЛАВ ХАРИНОВ,
НАСТОЯТЕЛЬ ХРАМА ВСЕХ СКОРБЯЩИХ РАДОСТЬ
НА ШПАЛЕРНОЙ УЛИЦЕ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ):

— Любое обсуждение политики в церковных СМИ опасно. Потому что говоря о политике, очень легко оказаться вовлеченным во всевозможные манипуляции, во вражду, а для Церкви это недопустимо: Она, в первую очередь, является оплотом единства. Политика предполагает возможность духовно-нравственных преступлений ради чьих-либо выгод. А для Церкви это невозможно. Подобные обсуждения могут «подставить» Церковь в глазах окружающего общества и вызвать раскол в самом церковном сообществе. К тому же сейчас в Церкви много неопитов с партийным мышлением, и одно это может повлечь за собой недопустимые последствия.

НОННА БОРИСОВА,
ПЕНСИОНЕРКА (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ):

— В церковных изданиях не должно быть политических дебатов, потому что само по себе это дело — напористое и агрессивное. А Церковь по определению вносит в общество мир. Вступать в противоречие, конфликт, заниматься осуждением — для Нее смертный грех. Ситуация здесь очень простая. Всякая власть поддерживается Церковью как Богом данная. Народ должен терпеливо относиться к Богом и народом же избранной власти и не проводить никаких дебатов, тем более в церковных изданиях. Всё должно быть бесконфликтно. Недаром народ называют мирянами.

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ,
СТУДЕНТ ГОРНОГО УНИВЕРСИТЕТА (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ):

— Церковь должна быть в стороне от политики. По сути своей Церковь — всегда одна и та же, с од-

ними и теми же канонами, независимо от того, какая страна и с кем воюет.

МАРИЯ МИРЗАЕВА,
АДМИНИСТРАТОР КАФЕ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ):

— Каждый должен заниматься своим делом. Богослужитель служит Господу, а политик решает государственные вопросы. Обсуждение политических вопросов негативно отражается на Церкви.

«ДА»

СЕРГЕЙ ЛУКИН,
СОТРУДНИК МИССИОНЕРСКОГО ОТДЕЛА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ:

— В жизни страны есть животрепещущие вопросы, не обходящие Церковь, которые нужно обсуждать. Я не предлагаю, конечно, превращать церковные издания в «Час Пик», но взвешенные мнения по политическим вопросам нужно высказывать. Особенно это актуально сейчас в отношении, допустим, внешней политики. И политический, и социальный сектор в журнале должны существовать и занимать при этом разумные пределы.

ДЕНИС МАХАНЬКО,
ДИРЕКТОР ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ЖУРНАЛА «ФОМА»
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ:

— Думаю, тут многое зависит от того, о каком именно издании идет речь. Если это сугубо академический богословский журнал, в нем едва ли найдется место для обсуждения подобных тем. Другое дело — популярные православные издания, которые просто не могут себе позволить быть неактуальными и не реагировать на процессы, происходящие в обществе. Однако нельзя допускать, чтобы политические или социальные проблемы становились главной или даже единственной темой для церковного журнала.

ПРОТОИЕРЕИ БОРИС БЕЗМЕНОВ,
ПРОФЕССОР САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ
ПРАВОСЛАВНОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ:

— Мы не можем отворачиваться от жизни и должны смотреть ей прямо в лицо. Но суждения нужны трезвые, чтобы от сказанного было не отвернуться. Если есть хорошие, меткие аргументы на политическую тему, их нужно использовать. Если аудитория спрашивает церковный журнал о политике, журнал должен ответить. Другое дело, заводит ли самим горячую дискуссию. Я считаю, что заводит ее стоит, но чтобы при этом поднаться над политикой, над ее уровнем, и для этого у нас есть всё. Вообще, преимущество Церкви

в том, что у нас на всё есть ответ. Это так называемые последние истины, ключи, которые открывают всё. Нам не страшна никакая политическая полемика, если мы не опускаемся, а поднимаемся.

Александр Владимирович Шипков,
 СОВЕТНИК ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ (МОСКВА):

— В церковных изданиях можно обсуждать всё, что касается жизни христианина. Граждане православного вероисповедания, как показывают опросы, отличаются весьма активной политической позицией. Обсуждать политические вопросы церковным изданиям не только можно, но и нужно. Политика — неотъемлемая часть жизни каждого гражданина, и православные здесь не исключение. Официальные представители Церкви и эксперты должны высказывать суждения по актуальным политическим вопросам, но не должны пропагандировать конкретную политическую идеологию. Недавно одна из партий объявила о желании заключить договор о сотрудничестве с Московской Патриархией. Это, конечно, проявление дикости и непонимания мистического существа Церкви как Тела Христова. Уверен, что священноначалие деликатно не заметит этих движений. Считаю, что церковные СМИ должны показывать ту степень человеческого увлечения политикой, когда интерес переходит в страсть и мешает личному спасению.

Протоиерей Артемий Скрипкин,
 НАСТОЯТЕЛЬ ХРАМА СВЯТЫХ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА
 ПРИ РГПУ ИМЕНИ ГЕРЦЕНА (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ):

— Весь вопрос здесь в мере и соответствии. Политические темы должны обсуждаться в каких-то пределах. Нужно знать меру и не превращать церковные издания в арену для каких-то разбирательств. А в принципе политические темы так же, как и все остальные, вполне могут затрагиваться в той мере, в которой они могут касаться нашего с вами спасения.

Сергей Волобуев,
 ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ПОРТАЛА «СОЦИАЛЬНОЕ БОГОСЛОВИЕ»
 (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ):

— Дискуссия на политические темы в церковных СМИ не только возможна, но и необходима. Христианин не перестает быть христианином, выходя за церковную ограду. А жизнь за церковной оградой во многом определяется теми решениями, которые принимаются в политической сфере. Более того, трактовка самого понятия «церковная ограда», ее границ, прозрачности или непрозрачности — это в значительной степени политический вопрос. Значит, христианин должен знать, как оценивать те или иные явления, как действовать в тех или иных ситуациях, не изменяя христианским принципам, а напротив, утверждая их в обществе. Проблемой нашего общества является то, что значительная его часть, в принципе ориентированная на христианские ценности, попросту не умеет ими руководствоваться в по-

вседневной жизни. Отсюда путаница в понятиях, хаос в головах. Дискуссия в церковных СМИ на общественно-значимые темы, которые всегда будут приобретать политическое звучание, призвана оздоровить ситуацию, показать, какие подходы допустимы, а какие — нет, поскольку не соответствуют церковному пониманию христианских идеалов. Кроме того, такая дискуссия сама по себе содержит мощный миссионерский заряд, демонстрируя возможности христианской мысли в решении проблем, касающихся каждого человека, живущего в нашем обществе.

Подготовил Владимир Дукельский

Константин Иванов
 ИГРА ВСЕРЬЕЗ

Церковь существует не для Себя Самой. Все жизненные вопросы Её касаются. И, безусловно, церковным изданиям нужно говорить о политической жизни. Вопрос в том, как это правильно делать. Здесь важно — и порой нелегко — соблюдать два главных требования.

Во-первых, быть сдержанными и сохранять духовное спокойствие при обсуждении вопросов политики, — причем не ценой равнодушия. Мы должны говорить взвешенно, но не бесстрастно. Мы никогда не должны растворять свою веру в житейских страстях, как не должны быть и равнодушными в жизни. Мы не должны быть безразличны к судьбам нашего народа и конкретных людей, проблемы которых призвана решать политика. Да, политические вопросы нельзя обсуждать без определенного азарта, — политика и в самом деле «игра», — но нужно при этом, чтобы это была «игра всерьез». Мы должны осознавать относительность политического, но не отрицать экзистенциальной глубины политических явлений. Феномен демагогии — очень страшное явление для нашей Церкви, о котором нужно говорить сегодня открыто, не стесняясь. Очень важно, чтобы политическая идеология не подменяла собой подлинную духовную жизнь.

Во-вторых, надо понимать, что многие вопросы современной общественно-политической жизни имеют светский, технический, безличный характер и не решаются прямым приложением к ним религиозных принципов. Нужно иметь достаточно высокий уровень политической культуры, специальные знания, чтобы в этих вопросах разбираться. Решая такие вопросы без должной светской подготовки, мы компрометируем нашу веру, являем не просто ложную самоуверенность, но духовную гордыню. В сфере этих вопросов надо активно советоваться со светскими людьми и тесно сотрудничать с ними. «В обращении с людьми рода своего сыны века сего умнее сынов света» (Лк. 16, 8).

Задача церковных СМИ в сфере общественно-политической жизни — судить о ее человеческой и нравственной основе, которую светское политическое сознание склонно затенять, проверять и даже отвергать. Здесь Церковь обязана твердо сохранять свое независимое мнение. Политика не сводится к морали, но недопустима ее аморальность. Общественный и государственный долг Церкви — мужественно и порой нелегко говорить нравственную правду правителям и народу. Лишь глупый и недалекый правитель стремится иметь «при себе» слабую прирученную Церковь. Лишенная нравственного мужества, Церковь теряет авторитет и перестает быть опорой и обществу, и государству.

КАМНИ ПРЕТКНОВЕНИЯ

НА ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА «ВОДЫ ЖИВОЙ» ОТВЕЧАЮТ КЛИРИКИ САНКТ- ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ

— «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Рим. 13, 1-2). Как понимать эти слова апостола Павла? Ведь часто властители являются противниками веры Христовой и даже организуют гонения на христиан?

ОТВЕЧАЕТ
ПРОТОИЕРЕЙ БОРИС БЕЗМЕНОВ,
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ СПбДА:

— Если власть богоборческая, значит, это по попустительству Божию, так как любое зло против воли Бога. Даже атеистическая власть от Бога, но это не должно нас

обескураживать, а должно помочь правильно объединить усилия. Термин «богоборческая» — однобокий, ведь любое явление нужно рассматривать во всей его полноте. Настоящие подвижники, даже на Соловках, не сдавались и старались осмыслить всё происходящее. Если взять, например, Берию или Сталина, даже в них до последнего сохранялся образ Божий, хоть и извращенный, а главное, что его всегда можно было вернуть. Несмотря на окаянные поступки, сущий ад, который они устроили населению, они так же всегда имели возможность обратиться в веру, как живые люди с Божьими ростками. Интересно обратить внимание на один факт: то, что строй рухнул фактически в один момент, говорит о том, что коммунисты были очень разными. Каждый приходил и приходит к безбожию сам и очень странным путем, хотя в целом, в масштабе какой-либо партии, это выглядит коллективным безумием. Вывод здесь один: любые богоборцы точно так же от Бога, как и все остальные, а задача остальных — бороться за каждого человека в этом страшном строю и приводить его к вере.

— Почему священнослужители сегодня не могут быть депутатами Государственной Думы? Ведь до революции это было возможно...

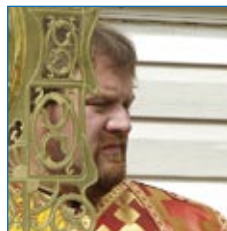

ОТВЕЧАЕТ
ПРОТОИЕРЕЙ ГЕОРГИЙ
МИТРОФАНОВ,
ПРОФЕССОР СПбДА, ЧЛЕН
СИНОДАЛЬНОЙ КОМИССИИ
ПО КАНОНИЗАЦИИ СВЯТЫХ:

— Дореволюционная практика здесь во многом показательна. Митрополит Евлогий (Георгиевский), состоявший в двух Думах, приверженец стлыпинской фракции, считал такое совмещение двух ролей непродуктивным и искусительным. В своих воспоминаниях он весьма критически отзывался о своем, пусть и успешном, опыте. Но это лишь один пример.

Сегодня наша церковная жизнь предельно секуляризована. Все существующие ныне политические партии еще только складываются, и ни одна из них не держит в своей основе христианскую систему ценностей. Я допускаю участие в политической жизни православных мирян, разумеется, не коммунистов и не фашистов. Но если говорить о священнослужителях, то оторванность политических партий от христианской жизни не позволяет нам быть там. В противном случае сразу возникает необходимость следовать далеким от Церкви интересам или попросту становиться инструментом в политической игре. Присяга, которую мы принимаем, не позволяет служить и Господу, и Маммоне.

— Почему священнослужители сегодня благославляют армию, освящают оружие и боевую технику? Ведь война противоречит заповеди «не убий»...

ОТВЕЧАЕТ
ПРОТОДИАКОН КОНСТАНТИН
МАРКОВИЧ, КЛИРИК ХРАМА
ВОСКРЕСЕНИЯ СЛОВУЩЕГО
ПРИ ПЕТЕРБУРГСКОМ РАКЕТНО-
АРТИЛЛЕРИЙСКОМ КАДЕТСКОМ КОРПУСЕ,
СОТРУДНИК ВОЕННОГО ОТДЕЛА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХИИ:

— Господь даровал народу израильскому десять заповедей с тем, чтобы люди руководствовались ими в своих отношениях с Творцом и между собой. В частности, сказав «не убивай», Господь требует от каждого израильянина, призванного исполнять Закон, не посягать на жизнь как своих единоверцев, так и пришельцев, иноплеменников, которые приходят с миром и уважением к религии Иеговы (Числ. 15, 15). Но в то же время Сам Господь многократно благословлял и покровительствовал Израилю в тех многочисленных войнах, которые избранный на-

род вел с языческими народами — врагами веры в Единого Истинного Бога. Так было во время завоевания Земли Обетованной, так было во времена судей Израильских, так было во время правления израильских царей — Давида и его потомков.

Поэтому убийство своих братьев и ближних, убийство невинных людей, безусловно, — тяжелейший грех и преступление. Также братоубийственные, гражданские войны, терроризм — тяжелейшее злодеяние, за которые Господь всегда наказывает виновных (рано или поздно). Но защита своей Родины, народа, своей веры и святынь, пусть и с оружием в руках, — дело необходимое и совершенно оправданное с точки зрения библейской морали. Пророк Илия, который после того как Господь, вняв его молитве, показал чудесным образом неправду язычества, заколол четыреста пятьдесят пророков Вааловых у потока Киссон (3 Царств. 18, 40). Разве Библия клеймит его как жестокого убийцу? Нет, его поступок оправдан, ибо он предал смерти тех, которые сами несли духовную смерть народу.

Поэтому, руководствуясь Священным Писанием, Православная Церковь благословляет своих сынов, несущих воинскую службу, молится о них, оказывает пастырское попечение. Ибо защита Отечества и народа — это не только гражданский, но и духовный долг христианина. Это долг любви к своим ближним: «Любовь познали мы в том, что Он положил за нас душу Свою, и мы должны полагать души свои за братьев» (1 Ин. 3, 16).

— Каким будет Царствие Божие, которого ожидают христиане? Будет ли оно напоминать монархию или какой-то иной политический строй?

ОТВЕЧАЕТ

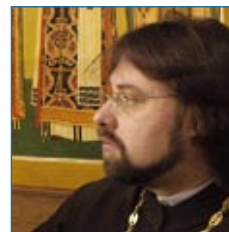
ПРОТОИЕРЕЙ Владимир Федоров, клирик Князь-Владимирского собора в Санкт-Петербурге, директор Православного института миссиологии, экуменизма и новых религиозных движений:

— Естественно, Царство Божие ни имеет ничего общего с земными царствами, о чем Иисус и сказал Пилату: «Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда» (Ин. 18, 36). Чтобы жить в Царстве Божиим, нужно соответствовать ему: иметь детскую веру и смирение: «истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное; итак, кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном» (Мф. 18, 3–4). «Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (Мф. 5, 20).

Понятно, что Царство Божие осуществляется не столько во внешних социальных улучшениях, сколько в тех внутренних благотворных изменениях, которые оно производит в людях. Царство Божие особенно близко тем, кто имеет чувство социальной ответственности и не только обеспокоен собственными грехами и недостатками, но и противостоит лжи и неправде, социальной несправедливости вокруг себя, тем, кто жаждет как своего духовного обновления, так и торжества любви, справедливости и милосердия в обществе, частью которого он является. Для тех же, кто доволен собой, кто счастлив существующим строем, кому смешно и непонятно стремление к идеальному, кого не волнуют проявления беззакония, тому Царство Божие представляется всего лишь как некая «теоретическая» категория.

Царство Божие — это «тесные врата, и узкий путь», которые не многие находят. Оно не завершённое, а лишь строящееся здание, — но, тем не менее, явление реальное, осуществляющееся в мире со дня пришествия на землю Спасителя. Оно постоянно растёт и распространяется, привлекая и как бы втягивая в себя духовно чутких людей из всех слоев общества, всех национальностей и всех уровней развития. Полное и всем очевидное торжество Царства Божия осуществится лишь после Второго пришествия Христова, когда общество праведников сольётся с ангельским миром и станет Царством Небесным.

— Может ли Церковь влиять на политические процессы в стране, если она официально отделена от государства?

ОТВЕЧАЕТ

ПРОТОИЕРЕЙ Даниил Ранне, настоятель храма святой равноапостольной Марии Магдалины в Павловске:

— Я не могу понять постулата о том, что «Церковь отделена от государства», — ведь Церковь состоит из граждан, и государство, естественно, состоит из тех же граждан. Поэтому я считаю, что здесь сложно так или иначе не вмешиваться в дела друг друга.

Церковь всегда будет немного раздражать государство своими суждениями о болезнях общества, и, наверно, ее нормальное состояние, если верить Писанию, — в гонениях. Просто потому, что она живет на несколько других основаниях. Если вспомнить примеры из истории, то далеко не всегда ее отношения с государством складывались гладко: достаточно упомянуть о митрополите Филиппе в XVI веке, о патриархе Тихоне в XX-м.

Церковь вмешивается в дела государства хотя бы потому, что она присутствует на его территории, и потому, что она — важнейшая часть культуры».

Подготовил Владимир Дукельский

ВЛАСТЬ – ДУХОВНАЯ И СВЕТСКАЯ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Слово «власть» очень часто встречается в Библии. Христос учил «как власть имеющий» (Мк 1, 22). «И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему» (Дан. 7, 14). Однако массовое сознание сегодня признает «властью» лишь власть государственную. Как это сказывается на отношениях Церкви и государства? 27 сентября в Православном просветительском центре при храме во имя Феодоровской иконы Божией Матери редакция «Воды живой» совместно с Центром социально-консервативной политики организовала круглый стол на тему «Духовная власть и светское государство».

Игорь Шувалов

Президент Северо-западного отделения Центра социально-консервативной политики

Государство у нас сегодня светское, Церковь отделена от государства. Но светская власть должна руководствоваться в своей политике духовными началами, и в этом я вижу связь духовной и светской власти. Светское государство должно признавать, что существуют нравственные принципы, которые должны быть основой государственных законов и которые должны определять стратегию принятия политических решений.

Александр Посадский

Эксперт Северо-западного отделения Центра социально-консервативной политики

Один из аспектов влияния христианства на современное сознание состоит в том, что государство перестало обожест-

вляться людьми. На царей, на правителей перестали смотреть как на богов. Уже римский папозезаризм или византийский цезарепапизм не означали обожествления Римского Папы или Императора. Они мыслились как «наместники» Христа, но не обожествлялись. Под воздействием христианства на сегодняшний день государственная компетенция в религиозных вопросах ограничена. И в этом смысле сама теория светского государства во многом обязана христианским ценностям.

Сергей Волобуев

Главный редактор портала «Социальное богословие»

Нельзя видеть в обществе механическое скопление индивидов в определенном географическом пространстве. Общество — это своего рода коллективный субъект, который образует общение и взаимодействие людей. Этот коллективный субъект, подобно отдельному человеку, имеет

не только «физиологию», выражающуюся прежде всего, в экономике, не только «скелет» и «мускулатуру», воплощенные в государстве и армии. Общество имеет также «разум» и «совесть», — по крайней мере, должно их иметь. Духовная власть, власть Церкви — это и есть власть разума и совести, власть христианского учения над конкретными людьми и обществом в целом. К сожалению, духовная власть в этом смысле недостаточно сильна в современной России. Значительная часть общества «признает» христианские идеи и ценности своими, но не руководствуется ими на практике. Особенно печально, что так называемая элита общества — представители власти, бизнеса, науки, культуры, которые более других людей ответственны за состояние дел в стране, — не считает необходимым соизмерять свою жизнь и свои действия с требованиями разума и совести, не признает над собой духовной власти. Тем более ожесточенное противодействие

встречают попытки устранить противоречия между действующей нормативной системой и нормами христианства. При этом часто такое нежелание прислушиваться к голосу духовной власти прикрывается ложно понятой категорией «светскости». «Светскость» превратилось у нас из достаточно простого и четкого юридического понятия в своего рода магическое заклинание для усыпления нравственных чувств элиты и народа в целом. Поэтому задача «укрепления вертикали» духовной власти, усиления власти христианского учения над сознанием и волей современных людей представляется центральной задачей нашего времени.

**Андрей
Таннер**

Начальник управления по связям с общественностью Национальной медиа-группы

Сегодня не нужно формализованного сближения Церкви и государства, ни к чему хорошему это не приведет. Какие проблемы есть у современного государства, мы все видим, Церкви от такого сближения будет только хуже. С другой стороны, хотелось бы, не знаю, каким образом, чтобы Церковь больше говорила с гражданами нашей страны. Совершенно очевидно, что Церкви нужно занимать более активную позицию, более широко и разнообразно общаться с людьми, чтобы стать настоящей духовной властью. То, что у нас есть светское государство, — это понятно. А есть ли у нас духовная власть — это большой вопрос

**Протоиерей
Георгий
Митрофанов**

Профессор Санкт-Петербургских Духовных школ

Если окинуть взором современную картину нашей политической жизни в плане отношений светской и духовной власти, то пока я не вижу здесь ясных перспектив. Церковь и государство имеют многовековой опыт

выстраивания отношений друг с другом. Этот опыт имеет своим итогом, в общем-то, неудачи и на Западе, и на Востоке. Папоцезаризм ли, цезарепапизм ли — все попытки предложить универсальную модель отношений Церкви и государства привели к тому, что большая часть христианских стран пришла к принципу отделения Церкви от государства. Это было апофатическое решение вопроса: будто бы у него и нет решения. В настоящее время возникла другая проблема, которая на наших глазах разворачивается в истории современного христианского мира или, может быть, постхристианского, — это проблема взаимоотношений Церкви и общества. Если не получилось симфонии между Церковью и государством, то, может быть, получится какая-то симфония между Церковью и обществом, которому государство передает сегодня часть своих функций. К чему это приведет, сказать очень сложно, но для того, чтобы этот опыт был возможен, необходимо наличие гражданского общества. И здесь мы сталкиваемся с проблемой, которая стоит очень остро в нашей стране, — с проблемой отсутствия гражданского общества. Это результат того, что пережила наша страна в XX веке.

**Протоиерей
Александр
Сорокин**

Председатель Издательского отдела Санкт-Петербургской епархии

Проблема власти — одна из центральных проблем Евангелия. В чем природа власти одних людей над другими? Христос заповедал Своим апостолам: «Цари господствуют над народами, и владеющие ими благодетелями называются, а вы не так: но кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий — как служащий» (Лк 22, 25-26). Праздник Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня

напоминает нам об эпохе, когда христианство, возникшее как движение, новое и необычное для своего времени, попало в поле зрения государства. Тогда и родилась сама проблема соотношения светской и духовной власти. В лице Константина Великого государство воздвигло Крест для всеобщего поклонения, христианство превратилось в парадигму жизни, культуры, даже быта. Но Крест остается Крестом — символом неразрешимого конфликта, страданий, боли, кризиса. Крест все равно остается Крестом, в том числе в вопросе соотношения светской и духовной власти. Из моделей взаимодействия государства и Церкви, которые вырабатывались на протяжении столетий, ни одна не оправдала себя полностью, поскольку все они пытались свести несводимое. Это не значит, что невозможен диалог между Церковью и государством. Но христианину, будь то рядовой гражданин или государственный чиновник, всегда необходимо быть готовым к ситуациям, когда он должен совершать ту или иную, малую или большую жертву.

**Сергей
Романов**

Главный редактор газеты «Вечный зов»

Принцип светскости государства — весьма относителен и условен, потому что любое светское государство имеет идеологию: националистическую, религиозную либо атеистическую. И даже отсутствие идеологии — это идеология. Без идеологии вообще трудно существовать. Даже в нашем крайне деидеологизированном государстве можно увидеть элементы религиозной идеологии, например, наличие слова Бог в гимне: «храняемая Богом (с большой буквы) родная страна». Религиозная символика есть в гербе России, на монетах и денежных знаках. Налицо противоречие декларируемой «светскости» и реальности.

Подготовила Анастасия Коскелло

«ПЕРЕСТРОЙКИ В 500 ДНЕЙ» НЕ МОГЛО БЫТЬ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ОТДЕЛА ВНЕШНИХ ЦЕРКОВНЫХ
СВЯЗЕЙ МОСКОВСКОГО
ПАТРИАРХАТА ПРОТОИЕРЕИ
ВСЕВОЛОД ЧАПЛИН
В БЕСЕДЕ С КОРРЕСПОНДЕНТОМ
«ВОДЫ ЖИВОЙ»
РАССУЖДАЕТ О ПРОШЛОМ
И НАСТОЯЩЕМ ЦЕРКОВНО-
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИИ

ВНУТРЕННЕЕ И ВНЕШНЕЕ

Отец Всеволод, Вы столько лет размышляете над отношениями Церкви и государства. С Вашей точки зрения, есть ли в церковно-государственных отношениях какая-то мистика? Есть ли здесь какая-то загадка или, напротив, все ясно?

— С богословской точки зрения все ясно, и Церковь выступает, по большому счету, с неизменной позицией уже две тысячи лет... Она не против государства, более того, она всегда стремится сотрудничать с ним. Но Церковь не может не понимать и того, что ее миссия более длительна, стабильна, нежели миссия государства, тем более конкретного государства, а таких за историю Церкви сменилось уже великое множество. При этом загадка и главное чудо заключается в том, что Церковь Божия вот уже столько веков живет и остается непобедимой при самых разных политических режимах. Несмотря на то, что были правители, прямо поставившие задачу уничтожить Церковь. Многим светским умам и сегодня выживание Церкви представляется чем-то нелогичным, какой-то временной, преходящей реальностью, которая не может не исчезнуть рано или поздно. Однако Церковь продолжает опровергать это мнение!

— В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» есть один момент, который я хотела бы Вас попросить прокомментировать. В части, где речь идет о понятии «светское государство», говорится, что в условиях светского государства отношения государства и Церкви должны строиться «на принципе невмешательства во внутренние дела друг друга». Что это означает — «внутренние дела»? Где пролегает грань между «внутренним» и «внешним»?

— В данном случае, на мой взгляд, речь идет о Церкви не как о сообществе всех верующих или о государстве как совокупности всех людей, живущих в стране. Иначе, в самом деле, было бы непонятно, кто есть кто и кто во что вмешивается. На самом деле речь идет всего лишь об управленческих механизмах: о церковных институтах и о структурах государства. Абсолютно было бы неправильно, если бы Церковь превращалась в орган государственной власти. Точно также было бы неправильно, чтобы государство пыталось участвовать в церковном управлении. Хотим мы того или нет, Церковь и светская власть в некоторой степени иноприродны по отношению друг к другу. У них всегда будут расходящиеся цели. Будет много интересов общих, но будут и интересы различные.

— Отчего так происходит?

— Оттого, что государство в первую очередь заботится о земном, а Церковь — о небесном. И очень часто, с точки зрения Церкви, земным

Протоиерей Всеволод Чаплин

Родился в 1968 году, с 1985 года — сотрудник Издательского отдела Московского Патриархата, с 1990 года — сотрудник Отдела внешних церковных связей. В 1990 году окончил Московскую духовную семинарию, в 1994 году — Московскую духовную академию. Кандидат богословия. С 2001 года — заместитель председателя Отдела внешних церковных связей. Член центральных комитетов Всемирного Совета Церквей (ВСЦ) и Конференции Европейских Церквей, комиссии ВСЦ по международным делам, экспертного совета при Комитете Государственной Думы по делам общественных объединений и религиозных организаций, экспертной группы ОБСЕ по вопросам свободы религии и убеждений.

нужно пожертвовать ради небесного. В том числе и такими вроде бы важнейшими вещами, как земная польза, материальные блага, сохранение мира и внешнего благополучия в государстве. Всем этим иногда ради Царствия Небесного надо пожертвовать. Поэтому в светском обществе, в котором государство не считает для себя важной миссию духовную, миссию христианскую, конечно, лучше, чтобы механизмы управления Церкви и государства были бы независимы друг от друга, дабы мирская стихия не вторгалась в ту иерархию приоритетов, которые действуют в Церкви.

— Из Ваших слов получается, что гармония в отношениях Церкви и государства в принципе невозможна, что между ними всегда будут противоречия..

— Конечно, полного единства Церкви со светским государством не будет никогда.

— Если мы говорим о внутреннем и внешнем, могли бы Вы привести примеры того «внутреннего» в Церкви, куда государству вторгаться не следует?

— Когда мы говорим о внутрицерковных делах, мы прежде всего имеем в виду веру, молитвенную и богослужебную жизнь, каноническое право, церковное управление: назначение священнослужителей, создание церковных общин, регламентацию их жизни..

— А если речь идет, скажем, об устройстве храма? Например, недавно в Воркутинской епархии пожарная инспекция потребовала разобрать в храме «деревянную перегородку», — иконостас, потому что он, якобы, «препятствует пожарной безопасности». Это посягательство на внутреннее или только на внешнее?

— Ну, это на самом деле простая чиновничья глупость. Хотя в каком-то смысле ситуация отображает разницу приоритетов. Для верующего человека святыня гораздо важнее, чем личная безопасность и вообще безопасность земной жизни человека.

— Но такого рода примеры являются вторжением во внутренние дела Церкви?

Фото: Юрий Костыгов

— Этот случай — пограничный. Долг государства — следить за условиями безопасности во всех местах, где находятся люди, в том числе и в частных домах, и в храмах. И верующие тоже обязаны сделать все, чтобы люди не пострадали

при возможном пожаре. Но если для этого требуют убрать из храма иконостас, верующим лучше погибнуть, чем позволить мирским стихиям вторгаться в устроение святыни.

— А в случае с так называемыми «культурными ценностями»? Есть, например, древние иконы, которые с точки зрения государства являются памятниками искусства и часто юридически находятся в государственной собственности. Чиновники и музейщики часто настаивают, что такие иконы нужно хранить определенным образом, при определенной температуре и что они должны находиться в музеях, чтобы быть доступными всему населению, не только православному. В данном случае есть вмешательство во внутренние дела Церкви? Или его нет?

— Не думаю, что речь здесь на сто процентов идет о вмешательстве, ведь вопрос не касается внутрицерковного управления. Ведь икона может находиться не только в храме, но и в доме, еще где-то... Впрочем, определенное противоре-

Существуя во внешней среде гражданского общества и государства, Церковь не может обособиться и отделиться от этой среды, но должна воздействовать на нее Своей духовною силою. Церковь должна привлекать к себе государство и общество. Должна постепенно уподоблять их Себе, проводя Свое начало любви и согласия во все области человеческой жизни. Как орудие, как орган такого воздействия Церкви на мирское общество существует учреждение духовной власти, или иерархия церковная. Сия иерархия особенно предназначена своим авторитетом и влиянием служить духовному объединению человеческого общества, вводя присущее Церкви начало любви в жизнь гражданскую и в дела государственные, и не словами только молясь, но делами, заботясь о том, чтобы имя Божие свяtilось в людях, чтобы царствие Божие пришло в мир и чтобы воля Божия исполнялась не на небе только, но и на земле».

Владимир Соловьев. О духовной власти в России (1881)

чие между верой и светскими интересами есть. Да, иногда даже лучше сохранять икону в музее, только нужно сделать при этом так, чтобы перед нею все-таки можно было молиться. Но чего абсолютно быть не должно — это помещения икон в кощунственный контекст, святотатства по отношению к святыне. И вот здесь бывают случаи, когда сталкиваются светский закон и данный Богом закон. Для верующего, безусловно, приоритетен второй.

ПРИНЦИП ОТДЕЛЕНИЯ

— **Что касается принципа отделения Церкви от государства. Само это выражение появилось во время Великой французской революции и выдуманно безбожниками... Почему Церковь сегодня принимает этот принцип?**

— Да, это относительно новая идея на фоне человеческой истории, и сегодня эта идея оспаривается большим количеством мыслящих людей и небезосновательно. Конечно, как уже было сказано выше, можно говорить о взаимной независимости управленческих структур. Да, епископ не должен подменять собою губернатора, Синод — правительство и наоборот. Но идея является разумной, только если ее применять в отношении управленческих структур. Если же понимать Церковь как совокупность самых разных людей, трудящихся в самых разных сферах жизни государства и общества, то ее уже нельзя отделить от государства. Это то же самое, что отделить от государства народ. Церковь — это, по разным оценкам, от 55 до 80 процентов нашего народа. Церковь — это большинство нашего народа. И государство в некотором смысле — это народ, и Церковь в некотором смысле — это народ. Отделить народ от народа — это шизофреническая идея...

— **По поводу «большинства»... В официальных речах наших иерархов очень часто говорится о том, что РПЦ — это Церковь большинства населения страны. Именно поэтому она должна иметь особые права в государстве, она должна иметь особые права при обращении к обществу. Но ведь возможна и уже не раз случалась в истории и прямо противоположная ситуация, когда Церковь окажется в меньшинстве. Если она будет в меньшинстве, значит, следуя такой логике, государство сможет делать с ней все, что хочет? Если это будет не 80 процентов, а один?**

— Не совсем так. Ведь мы, православные, во многих странах находимся в меньшинстве. И, тем не менее, считаем, что в любом случае к нашему мнению должны прислушиваться. Ведь государство отнюдь не имеет права делать с меньшинством «все, что хочет». Православные христиане должны иметь гарантированное право на то, чтобы устраивать жизнь своего социума так, как это велит Слово Божие и православное вероучение. Это касается и образования, и представлений об единственности истины, и наших

Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царствие Божие, а только в том, чтобы он до времени не обратился в ад.

Владимир Соловьев. Право и нравственность (1897)

взглядов на устройство семьи, на устройство общества... Просто в тех странах, в которых православные христиане составляют большинство, можно ставить вопрос о том, чтобы и приоритеты всего общества, его принципы и цели приобрели, наконец, христианский характер и чтобы это было отражено в законе. Но в любой стране, в любом социуме православные христиане, как и мусульмане, как и другие мировоззренческие общности, имеют право на то, чтобы не только их частные мнения, но и их правила, их Большинство имело право на то, чтобы формулировать миссию своего общества и те законы, по которым оно живет. Но и меньшинства имеют право жить по своим принципам и правилам в своих суб-социумах. На основе такой модели веками мирно жила и развивалась Российская империя.

— **И все же, возвращаясь к большинству. А если большинство населения в буквальном смысле «поедет умом»? Если большинство жителей страны в определенный момент станет членами какой-нибудь суицидальной секты, — что тогда? Мы тоже должны будем призывать к отражению их мировоззрения в государственных законах?**

— Если большинство людей у нас станет сектантами, — значит, они будут иметь возможность требовать, чтобы общество жило по их принципам, ничего не попишешь... Большинство общества должно иметь право на то, чтобы его принципы были положены в основу устройства государства, политики и всех сторон жизни. Так сейчас и есть на Западе. Странники антропоцентризма, защищающие земные интересы человека как главный приоритет, оказавшись в некоторых странах в большинстве, грубо навязывают монополию именно своего мировоззрения всем другим, в том числе верующим людям.

— **И Вы считаете, что это нормальная ситуация, с которой христианам надо мириться?**

— Христианское сообщество должно требовать от нехристиан возможности создать свой суб-социум и жить по своим правилам. Если в каких-то странах общество и государство носят подчеркнuto нехристианский характер, не смириться с их порядками можно только путем самоубийства.

— **Почему?**

— Ну, допустим, вы живете в мусульманской стране, вас 10 процентов населения, завтра вы говорите мусульманам: это будет христианская страна. Дальше у вас остается только два выхода. Это бунт или эмиграция. То же самое касается и стран «постхристианского» мира.

Фото: Юрий Костыгов

— И все же, ведь есть, наверное, какая-то грань, за пределами которой диалог с не-христианским государством и не-христианским обществом невозможен для Церкви?

— Я думаю, что диалог должен быть всегда. Церковь за свою историю вела диалог и с римскими властями периода гонений, и с иноверными поработителями, и с гонителями-атеистами... Тот или иной диалог, те или иные взаимоотношения всегда будут иметь место. Я не вижу вообще препятствий для того, чтобы вести диалог с человеком других убеждений — даже с сатанистом или гонителем религии. Что может быть основанием для отказа от диалога? Ничего! Диалог, а значит, и свидетельство должны быть всегда. В истории от диалога отказывались сами гонители Церкви, потому что понимали свою неправоту. У нас нет запрета на общение с кем-то. Христос общался с Пилатом, с первосвященниками.

Определить место политика означает признать его необходимость и его относительность в одно и то же время. Тоталитарная логика отождествляла власть и абсолютное, власть и все то знание, которое отрицает всякую автономию отдельного политика. Либеральная логика ведет за собой, de facto, его почти полное отождествление с деньгами. Отсюда такое количество «афер», осаждающих наши общества и дисквалифицирующих политических деятелей. Вместо того, чтобы брать на вооружение миф о политике как об уступке, о власти как о неизбежно подавляющем начале, мы должны переделать политика, основать новую политическую власть в соответствии с ее подлинным замыслом: гарантия свободы и препятствие разрушительному насилию.

Оливье Клеман. Власть и вера (2002)

Это естественно для христианина — быть готовым «всякому вопрошающему дать ответ с кротостью и благоговением».

— А если гипотетически допустить создание у нас подлинно христианского государства. Как Вы считаете, в какой мере должна проявляться поддержка Церкви со стороны государства? Например, должно ли государство финансировать церковное образование, платить зарплаты священникам?

— Когда у нас предлагают «посадить» Церковь на стабильное государственное финансирование, я всегда спрашиваю себя, а хорошо ли это? Я отношусь к этой идее с большим сомнением. В мире есть церкви, где люди, будучи устроены на должность священника или пастора, могут вообще ни о чем не думать: зарплата и пенсия обеспечены, приход будет существовать, даже если туда никто не ходит, а если приход все-таки ликвидируют, то тебя куда-нибудь гарантированно пристроят. Вывод отсюда очень простой: Церковь, живущая в условиях полной стабильности, в том числе кадрово-финансовой и материальной, как и любая другая структура, в которой слишком много стабильности, очень быстро превращается в застойное болото.

— Но ведь, отец Всеволод, связь здесь не такая прямая. Есть миллионы озлобленных нищих, и есть богатые, которых ничуть не испортило их богатство... Может быть, богатство — это искушение, но все же не однозначно воздействующий фактор?

— Да, «в жизни всегда есть место подвигу». Можно поехать миссионером в Пакистан, можно спускаться на социальное дно и вытаскивать людей оттуда, но, к сожалению, большинство людей в условиях стабильности и предсказуемости будет опускаться на дно своего безделья и духовной ослабленности. Героев-то немного, увы!

— Только свободная и независимая Церковь может по-настоящему выполнять свою миссию?

— Да, и должна быть мера разумного во всем. Неправильно, когда госчиновники воспринимают Церковь как нечто среднее между «вражьем голосом» и обществом филателистов. Но так же неправильно, когда государство обеспечивает Церковь или Церковь государства сама себе обеспечивает стабильное, спокойное болото, в котором тепло и сыро. Второе может быть более губительным, чем первое.

ПЕРСПЕКТИВЫ

— В начале сентября Вы приезжали в Петербург на торжества памяти митрополита Ленинградского и Новгородского Никодима (Ротова), много лет возглавлявшего ОВЦС, выступали на конференции, посвященной его наследию. Какое впечатление произвели на Вас эти памятные дни?

— Хорошо, что ученики помнят своего учителя. К сожалению, часто после ухода великого человека из земной жизни ученики его «расточаются», начинают враждовать друг с другом, претендовать на единственно правильное истолкование его наследия. На конференции памяти владыки Никодима, напротив, я увидел очень трогательное единство между его учениками, между архиереями, пастырями и мирянами, которые собрались, чтобы почтить его память.

— **Как Вы считаете, тот подход к церковно-государственным отношениям, который был сформирован при владыке Никодиме, актуален ли сегодня, в XXI веке? Или с уходом советской власти подходы должны смениться?**

— Безусловно, сегодня наследие митрополита Никодима очень актуально. На той конференции я уже говорил, что один из главных уроков, который оставил митрополит Никодим Церкви XXI века, заключается в том, что ей не обязательно быть враждебно настроенной по отношению к власти. Необходимо вести диалог с властью, опираясь на поддержку народа. Мы — не враги власти, точно так же, как мы не враги собственному народу. Но диалог должен быть честным, прямым, основанным на твердой верности правде Божией.

— **А как Вы оцениваете изменения в церковно-государственных отношениях за постсоветский период? Есть ли какие-то тенденции? Меняется ли мировоззрение нашей политической элиты?**

— Безусловно. Перемены есть. Российская политическая элита 1998 года и элита 2008 года — это очень разные явления. И нынешняя политическая молодежь гораздо лучше, чем постсоветские функционеры. Среди нового поколения политиков гораздо больше людей искренне верующих, любящих свою страну, думающих, причем думающих свободно. Очень мало осталось тех, кто, как в девяностые годы, хочет «нахапать» чего-то быстро «здесь» и удрать «туда». Так что ситуация меняется, и не в последнюю очередь это все-таки происходит благодаря нашему и вашему слову, особенно звучащему в светских СМИ. Но Моисей сорок лет водил народ по пустыне, Германия лет двадцать пять приходила в себя после нацизма и военного поражения, и у нас тоже все не будет быстро и легко. Я не удивляюсь тому, что реальные изменения состава прихожан — от бабушек к молодым семьям, произошли не в 91-м году, когда все бросились рисовать на предвыборных плакатах кресты и ходить по сцене с куполами на голове... Это произошло тогда, когда действительно большое количество людей что-то по крохе стало где-то слышать, видеть по телевизору, читать в газетах, брошюрах. Это длительный процесс. Никакой религиозной «перестройки в 500 дней» не могло быть. Если бы она вдруг произошла, я бы решил, наверное, уехать на Чукотку. Потому что это кончилось бы ужасно.

Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены.

Рим. 13, 1

И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его — владычество вечное, которое не преидет, и царство Его не разрушится.

Дан. 7, 14

Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда.

Ин. 18, 36

Царство Твое — царство всех веков, и владычество Твое во все роды.

Пс. 144, 13

Вспомнят, и обратятся к Господу все концы земли, и поклонятся пред Тобою все племена язычников, ибо Господне есть царство, и Он — Владыка над народами.

Пс. 21, 28–29

Иисус сказал им в ответ: отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу. И дивились Ему.

Мк. 12, 17

— **А что касается конкретного «сотрудничества» Церкви и государства, о котором говорится в Основах социальной концепции», — оно имеет место сегодня? Или пока это только мечты и надежды?**

— Есть постепенное движение в этой сфере. Но проблема в том, что на фоне уже имеющейся осторожной политической воли есть немало противодействия со стороны некоторых чиновников и части элиты. Последний пример — история с тем, как попытались прикрыть церковные приюты. Был внесен законопроект, предлагавший сосредоточить всю социальную деятельность, обращенную на детей, в руках государства. На самом деле происходила борьба за деньги. Сегодня государство выделяет примерно тысячу долларов в месяц на ребенка, лишенного попечения родителей. Понятно, что в государственных учреждениях дети на эти деньги не живут. Но на эти средства продолжается настоящая охота, и охотятся прежде всего чиновники социальной сферы.

— **Что же может сделать церковное сообщество, чтобы переломить ситуацию?**

«Царство кесаря» не означает непременно монархии, оно есть обозначение царства этого мира, порядка греховной природы. Демократическая или социалистическая республика в такой же степени есть царство кесаря, как и монархия. [...] Царство Божье неосуществимо и неместимо ни в нашей исторической плоти, ни в нашем пространстве и времени, оно не там и не здесь, оно не имеет внешне зримых признаков, оно не может быть создано никакой исторической эволюцией и не может быть укреплено никаким охранением, оно также не в «правом», как и не в «левом», в нем также нет ничего «реакционного», как нет и ничего «революционного».

Николай Бердяев. Царство Божие и царство кесаря (1925)

Нельзя понимать принцип светскости государства как означающий радикальное вытеснение религии из всех сфер жизни народа, отстранение религиозных объединений от участия в решении общественно значимых задач, лишение их права давать оценку действиям властей. Этот принцип предполагает лишь известное разделение сфер компетенции Церкви и власти, невмешательство их во внутренние дела друг друга.

Основы Социальной концепции Русской Православной Церкви (приняты Архиерейским собором РПЦ в 2000 году)

— Очень важно, чтобы православные чиновники, православные журналисты, — кстати говоря, они здесь сработали блестяще, — православные общественные деятели не боялись все эти вопросы ставить, не боялись повредить шкурным интересам, как это очень часто делают православные.

— Как Вы считаете, почему сегодня мы так мало слышим призыва не бояться из уст представителей Церкви? Ведь это христианское дело — пойти и добиться справедливости...

— До сих пор слишком многие считают, что это нецерковное дело. А церковное дело — «молиться, поститься и слушать радио «Радонеж»» (хотя радио хорошее, я сам его слушаю и выступаю по нему). Я однажды поссорился с лидером одной православной молодежной организации, когда он сказал мне, что православная молодежь не должна заниматься политикой, а должна проводить все время в храме. Я сказал ему, что с таким подходом мы соберем вокруг себя одних маргиналов. Ставить знак равенства между церковным делом и внутриприходской или внутримонастырской жизнью — это типично советский рефлекс, отчасти еще связанный и с Синодальным периодом. Христианин должен быть христианином везде. Вовсе не всякий христианин должен быть монахом, священником или человеком, продающим церковные книги, церковное вино или церковные ювелирные украшения. Вся Россия — это наш храм и пространство для нашего общественного действия. Наша Церковь — это не только люди в рясах, не только люди, которые получают зарплату в церковной кассе.

— Отец Всеволод, с Вашей точки зрения, можно ли прогнозировать рост граждан-

«Един Господь»: мы уже не чувствуем теперь всей силы, всей парадоксальности этого сохраненного нами первохристианского возгласа. Но он звучал тогда (да и теперь должен был бы звучать!) как вызов миру, в котором каждая власть, каждое государство, каждый «коллектив» претендуют извечно на «Господство», на обожествление себя самих. Христиане принимали и государство и общество, но только в ту меру, в какую они не ограничивали господство Христа, не заглушали исповедания Царства. Ибо Царство Божие уже пришло и открылось в мире и отныне оно одно есть единственное мерило истории и человеческой жизни.

Протопресвитер Александр Шмеман.
Исторический путь Православия (1953)

Фото: Станислав Марченко

ской активности Церкви в России в ближайшем будущем?

— Зачем прогнозировать? Надо действовать! Конечно, мы можем попытаться высчитать удой «православного молока» из окружающего нас «навоза», но обычно это неблагоприятные и злонаправленные прогнозы. Пока я смотрю на жизнь оптимистично при всем понимании того, что нас ждет Апокалипсис. А ведь, между прочим, Апокалипсис — это самая радостная книга: она обещает нечто более славное, чем все плоды наших земных человеческих усилий.

Беседовала Анастасия Коскелло

Государство не должно править церковью — ни в сфере догмата, ни в сфере обряда, или таинства, или организации; оно может требовать от церкви только верности родине и соблюдения общих законов. Церковь учит и советует; если необходимо, — то обличает и отлучает, но не властвует в государстве. Государство ограждает церковь и помогает ей, но не господствует над ней. Церковь молится и проповедует; государство правит, судит и воюет. Священник и правитель, монах и воин — сослужители дела Божьего на земле, совоспитатели национальной души народа. Они сочетают свои усилия, но идут различными путями. [...] Церковь приемлет мир и возводит его к Богу, но не насилует его и не распоряжается его земными делами. Только в таком сочетании своих сил церковь и государство смогут достойно строить свою земную родину.

Иван Ильин. Манифест русского движения

«ДИАЛОГ ПРИВЕДЕТ К ПАРТНЕРСТВУ»

Говоря о церковно-государственных отношениях в современной России, мы не могли не поинтересоваться взглядом на эту проблему государственных мужей. Чем руководствуются современные чиновники, выстраивая отношения с Церковью? Об этом в интервью «Воде живой» рассказывает вице-спикер парламента Ленинградской области Герман Мозговой

Герман Владимирович Мозговой-

Заместитель председателя Законодательного собрания Ленинградской области, секретарь регионального Политического совета партии «Единая Россия», вице-президент северо-западного отделения Центра социально-консервативной политики.

КОНСЕРВАТИВНЫЙ ПОДХОД

Герман Владимирович, каким Вам, как государственному деятелю, представляется нынешнее состояние церковно-государственных отношений в нашей стране?

Что это — вражда, конфликт или диалог, сотрудничество, партнерство?

— Я думаю, что, конечно, это не конфликт. Это диалог, который, наверняка, в недалеком будущем приведет к партнерству. Собственно, партнерские отношения между государством и Церковью уже формируются. Причем речь не идет о клерикализации государства, это практически невозможно сегодня. Просто государство считается с запросами общества, а общество наше по сути консервативно, и в числе его духовно-нравственных ценностей Церковь имеет, конечно, определяющее значение. Да, Россия — многоконфессиональная страна, однако семьдесят процентов населения — это люди, которые отождествляют себя с Православием. Поэтому Русская Православная Церковь обладает огромным авторитетом в глазах государства.

— Как Вы полагаете, на какие шаги готово пойти государство сегодня ради установления партнерских отношений с Церковью?

— Как мне кажется, успех будущего партнерства будет зависеть, в первую очередь, от предоставления Церкви государством благоприятных условий. Это и возврат церковного имущества,

и прямая финансовая помощь Церкви из бюджетов различных уровней, и возможность для представителей Церкви выступать в различных средствах массовой информации.

— Но Вам же известно стандартное возражение, которое многие выдвигают в ответ на такие слова. Ведь из этих семидесяти процентов большинство является так называемыми «номинальными православными»: людьми крещеными, отождествляющими себя с Православной Церковью, но при этом очень далекими от церковной жизни. Часто эти люди вообще не посещают православные храмы, не знают или не разделяют вероучительных принципов Православной Церкви, мировоззренчески очень далеки от Православия... Получается, что «социальная база» Русской Православной Церкви в нынешней России — это еще большой вопрос. Почему же государство все же готово сотрудничать с Церковью?

— Думаю, что государство осознает проблемы Церкви, но готово помогать Ей их решать, в первую очередь, через просветительскую работу, настроено не мешать Ей это делать. Государственные чиновники сегодня заинтересованы в том, чтобы православная паства в России становилась еще более многочисленной.

— Почему?

— Все-таки главная цель государства сегодня — это это сохранение традиционного российского

1. Российская Федерация — светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.
2. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом.

Конституция Российской Федерации.
Раздел I. Глава 1. Статья 14.

общества, уникальной российской культуры... Мы имеем огромное географическое пространство, мы должны его удержать, а удержать его можно исключительно силами того самого общества, которое осознает себя наследником тысячелетней истории России, осознает себя частью уникальной Российской цивилизации. Этому нашему наследию мы во многом обязаны Русской Православной Церкви. Я думаю, сегодня все государственные мужи понимают, что с Церковью необходимо выстраивать партнерские отношения и это во многом станет залогом успешного развития общества.

ПАРТИЙНЫЕ ПРОЕКТЫ

— Как Вы считаете, возможно ли появление в России в ближайшее десятилетие политической партии, основанной на христианских принципах? Наподобие христианских демократов в Германии? Или общество еще не созрело для этого?

— Думаю, появление такой партии возможно, если никакие другие уже существующие партии не смогут развить эту идею. Мне кажется, что такой консервативной партией во многом является партия «Единая Россия». По крайней мере, на сегодняшний день она уже прочно занимает в российском политическом спектре позицию партии центристского и консервативного толка.

— По Вашим наблюдениям, как изменится идеология «Единой России» в последние годы в плане отношения к Православию и к Русской Православной Церкви? Есть ли тут какие-то тенденции?

— Дело в том, что на фоне мировой политической культуры, конечно, партия «Единая Россия» — это еще очень молодая партия. Когда мы говорим об идеологии этой партии, мы должны понимать, что эта идеология еще только складывается. Складывается она в пользу консерватизма, я уже об этом говорил. Отношение к религии у этой партии, я бы сказал, — государственное, а значит очень разумное и очень бережное. Например, у партии существует проект «Историческая память», в рамках которого ведется большая работа с традиционными конфессиями, в том числе и с Русской Православной Церковью, восстанавливаются храмы, организуются культурно-просветительские и духовные центры.

— Насколько успешно этот проект работает? Что является его главным успехом на сегодняшний день?

— Например, это масштабные работы по восстановлению храма Феодоровской иконы Божией Матери в Петербурге. Это один из наиболее удачных проектов. Ведь проекту всего полтора года, для такого срока даже восстановление одного единственного храма — это уже результат.

— А что дает обществу восстановление храмов? И зачем этим заниматься государству?

— На сегодняшний день, в любом случае, православный храм в России воспринимается государством не просто как культовое сооружение, но как центр духовного воспитания, центр просвещения, если хотите. В частности, важнейшая составляющая проекта по восстановлению Феодоровского собора в Петербурге — это создание при нем духовно-просветительского центра. Храм и центр замечательно дополняют друг друга. Отделить одно от другого невозможно. Просвещение — крайне важная составляющая жизни храма наряду с богослужениями.

ТРАДИЦИОННЫЕ КОНФЕССИИ

— Возвращаясь немного назад. Вы говорили о том, что было бы неплохо, если бы государство напрямую финансировало просветительскую деятельность Церкви. А это не войдет в противоречие, во-первых, с Конституцией, во-вторых, с общественным мнением? Ведь значительная часть нашего общества убеждена, что Россия — светское государство, а светское государство должно быть в религиозном отношении нейтральным...

— Так и есть, Россия — светское государство. Мы с этим не спорим. Однако многие храмы являются памятниками историко-культурного наследия, многие из них до сих пор еще находятся на балансе у государства, хотя бы только по этому формальному признаку государство может финансировать их восстановление, приведение их в то состояние, в котором они были экспропрированы у Церкви. Если хотите, это определенный долг государства перед Церковью. Что касается просветительских проектов, в частности, введения в школах уроков ОПК, здесь нет неуважения к какой-либо конфессии, просто доминирующая религия в России — христианство. Вся история и вся культура России — это, в основном, история христианства. Но и другие традиционные конфессии государство готово всемерно поддерживать.

— Что касается традиционных конфессий, здесь тоже не все так просто? Ведь это определенное ранжирование, разделение религиозных организаций на более привилегированную и менее привилегированную группу? Нормально ли это? Если да, то как Вы считаете, по каким признакам государству надлежит выбирать те религиозные организации, с которыми сотрудничать полноценно, и те, с кем просто поддерживать дружественные отношения?

— Дело в том, что русская государственность исторически связана с христианской традицией. И в этом смысле говорить о русском государстве всерьез можно только как о христианском государстве. И наше общество исторически формировалось, в первую очередь, по христианским принципам. Не учитывать этого при выстраивании приоритетов в политике на сегодняшний день невозможно.

— Но ведь в категорию традиционных религий, с которыми органы власти поддерживают дружественные отношения, сегодня входят не только христиане, но и мусульмане, буддисты, иудеи... С чем связан этот выбор? Означает ли он, что именно эти организации ведут наиболее конструктивную социальную деятельность? Или это связано только с какими-то историческими корнями?

— Пожалуй, все-таки так сложилось исторически. Государство исходит из того, какое количество населения исповедует ту или иную религию, какую роль эти религии сыграли в истории государства, насколько они повлияли на формирование нашего общества, его морально-нравственных ценностей.

— Но вот возьмем регион, в котором работаете Вы — Ленинградская область. Здесь нет традиционных буддистских общин, крайне мало иудеев и мусульман, но здесь много лютеран финской традиции. Не сказывается ли это на политике местных властей по отношению к религиозным конфессиям? Или с лютеранами не сотрудничают, так как они не в числе «традиционных»?

— Насколько мне известно, никаких конфликтных ситуаций в этой сфере в Ленинградской области нет. В Ленинградской области две наиболее распространенных традиционных конфессии — Православие и Лютеранство. И еще у нас достаточно большое количество жителей, исповедующих ислам. Со всеми этими общинами местные органы власти поддерживают дружественные отношения, по возможности, участвуют в их традиционных праздниках, поддерживают их социальные проекты. В наибольшей степени, конечно, это касается православных храмов и монастырей, которым местные власти помогают восстановить здания, провести дороги, наладить инфраструктуру...

ГОСУДАРСТВЕННОЕ МЫШЛЕНИЕ

— По Вашим наблюдениям, какими внутренними мотивами руководствуются государственные чиновники, когда они поддерживают церковные проекты?

— Пожалуй, есть несколько вариантов. Это либо чистая прагматика, осознание того, что Церковь — это влиятельная сила в обществе, поэтому с ней надо сотрудничать. Второй вариант — это личные убеждения конкретного чиновника, если он сам верующий человек, то будет помогать Церкви. И третий вариант, когда чиновник — это человек с государственным мышлением: он мо-

жет быть и неверующим человеком, но считает, что это полезно для России, для потомков, поэтому поддерживает Церковь...

— А что в большей степени?

— Я думаю, что и то, и другое, и третье. Но очень хотелось бы надеяться, что это в большей степени третье. Среди чиновников все чаще встречаются ответственные люди, которые по-государственному мыслят, понимают, что Церковь — это та основа, которая могла бы быть в дальнейшем очень полезна для общества. Ну и, конечно, многие чиновники сами являются сегодня верующими людьми. Разве это плохо?

— А если говорить о противоположном «крае», по Вашим ощущениям, много ли среди нынешних чиновников убежденных атеистов?

— Думаю, их практически нет. По крайней мере, лично я за последние годы каких-то резких негативных высказываний по отношению к Церкви не слышал...

— Есть тут какая-либо динамика за последние десять-пятнадцать лет? Чиновники стали более религиозными? Или просто есть неизменный небольшой процент верующих людей, а остальные относятся к Церкви как к чему-то «внешнему»?

— Я думаю, что есть достаточно устойчивый, но небольшой процент верующих. Хотя это только предположение. Ведь как это можно определить? Достоверно сказать, что человек исповедует ту или иную религию, можно только тогда, когда с человеком близко общаешься, в одном и том же приходе... Если же просто вы видите, что в кабинете у чиновника появилась икона, — это, на самом деле, тоже много значит, но, исходя из этого, нельзя строго заключить, что «верующих чиновников прибавилось».

— А многие чиновники сегодня, например, жертвуют на храмы?

— Трудно сказать. Как правило, истинные благотворители остаются анонимными.

Беседовала Анастасия Коскелло
Фото: Станислав Марченко

ПОД НЕБОМ ПАРИЖА

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
«ВОДЫ ЖИВОЙ» ПРОТОИЕРЕИ
АЛЕКСАНДР СОРОКИН НЕДАВНО
ПОБЫВАЛ ВО ФРАНЦИИ.
СВОИМИ МЫСЛЯМИ О СИСТЕМЕ
ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ
ОТНОШЕНИЙ В ЭТОЙ СТРАНЕ
ОН ДЕЛИТСЯ С ЖУРНАЛИСТОМ
АЛЕКСАНДРОМ БУРОВЫМ

«ОБЕСПЕЧЕНИЕ СВОБОД»

Этой весной мне довелось побывать в Париже. Поездка состоялась в рамках программы министерства иностранных и европейских дел Франции, в которой я принял участие по рекомендации Генерального консула Франции в Санкт-Петербурге господина Мишеля Обри. Согласно этой программе, люди разных профессий из стран, имеющих дипломатические отношения с Францией, могут познакомиться с той или иной стороной ее жизни, соответственно своей профессиональной деятельности. Мне было предложено познакомиться с Францией в двух аспектах: религиозно-государственные отношения и средства массовой информации.

Программа сплошь состояла из встреч, примерно по пять-шесть в день, с работниками министерств иностранных и европейских дел, внутренних дел и образования, а также с журналистами в редакции одной из крупнейших французских газет «La Croix». В каждом из перечисленных ведомств есть чиновник или группа чиновников, так или иначе отвечающих за взаимодействие с религиозными организациями. Например, во французском МВД есть целый Отдел по делам религий или Бюро культов (Bureau des cultes), где состоялась встреча с руководителем отдела. В министерстве образования специального «религиозного» подразделения нет, но есть сотрудники, компетентные в вопросах, касающихся религиозных школ, включенных в систему светского образования. Были встречи и с руководителями религиозных учебных заведений — деканами католических богословских факультетов в Париже и Лионе, а также с представителями ведущих нехристианских религиозных конфессий Франции: раввином и ректором мечети (в Лионе едва ли не впервые в жизни я переступил порог мечети).. Был визит и в Конференцию епископов Франции. В здании руководящего органа Французской Католической Церкви было довольно спокойно, т. к. в то время, кажется, в Ницце проходил собор католических епископов. Нас с переводчицей принял ответственный секретарь.

Посчастливилось встретиться и с нашими православными соотечественниками Московской и Константинопольской патриархии, живущими и служащими в Париже. Было непривычно сознавать, что визит к владыке Иннокентию, главе епархии Московской патриархии, на подворье Трех Святителей, был организован министерством другой страны. В программе была и встреча с епископом Команским Гавриилом — главой Парижской архиепископии Вселенского патриархата.

Деталь французской жизни, которая меня поразила: область религиозно-государственных отношений здесь целиком находится в компетенции органов МВД. У нас МВД ассоциируется прежде всего с милиционерами — блюстителями порядка и с различными мерами силового воздействия

Париж. Интерьер церкви Сент-Этьен

с целью поддержания этого самого порядка. Словом, «силовое ведомство». Это деликатное выражение прочно вошло в современный официальный лексикон. Французы иначе воспринимают назначение МВД, по их словам, это ведомство ответственно прежде всего за «обеспечение свобод граждан». Это сказано устами чиновника как декларация, протокольные слова, но сказано той естественной, искренней интонацией, в которой не заподозришь и тени ханжества.

ИСЛАМСКАЯ «УГРОЗА»

Во Франции пять миллионов мусульман, это третья по величине и по влиятельности в стране религиозная группа после католиков и протестантов. «Мусульманская» тема очень активно обсуждается, у меня было такое ощущение, что все только об этом и говорят, хотя, разумеется, это было обусловлено спецификой нашей программы. Процесс интеграции мусульман довольно неоднозначно оценивается как большинством французов, так и самими мусульманами. С одной стороны, по словам ректора лионской мечети, среди мусульман есть определенная часть, настроенная на диалог с обществом, частью которого они хотят быть, оставаясь верными своей религии, своей традиции. Ведь они приехали во Францию не для того, чтобы противопоставить себя кому-то, но чтобы стать ее гражданами и уважать ее законы и ее традиции. С другой стороны, трудно отрицать напряжение, которое ощущается в стране из-за наличия столь мощного мусульманского представительства.

Заслуживает внимания такая информация: частные школы составляют 20% всех французских школ, остальные — государственные. Среди этих 20% по статистике: 95% — католические школы, все остальные — или не католические, или вовсе нерелигиозные. Мусульманских школ нет. Видимо, мусульман такое положение дел устраивает:

Интерьер мечети в Лионе

воспитание и религиозное образование осуществляется в семье, то есть в той среде, которая остается вне воздействия системы государственного образования.

Поэтому мусульмане во Франции — довольно замкнутое общество. Выходцы из Марокко или из Алжира приезжают во Францию по мотивам, совершенно не связанным с религией. Но, оказавшись в лоне чужой или пока чужой культуры, они, конечно, ищут общения со своими соплеменниками. И очень скоро это этническое землячество становится своеобразным религиозным братством. Кстати, здесь, мне кажется, напрашивается прямая аналогия с любой миграцией. Скажем, большинство наших русских эмигрантов (правильнее сказать, иммигрантов) на момент выезда за границу было совершенно не религиозными людьми, но, оказавшись на чужбине, они поняли, что для них единственным «родным» местом общения является Церковь. Так совершается их воцерковление, и русские приходы за границей пополняются новыми членами, что не может не радовать. И все же у этого воцерковления навсегда, как родимое пятно, остается определенный этно-фольклорный привкус, в свое время и приведший в Церковь этих людей, осознавших свою этно-культурную инаковость в окружающем их обществе. В результате и появляется риск понимания с точностью до наоборот новозаветного, одного из самых пафосных принципов «нет ни эллина, ни иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос» (Кол. 3, 11). Получается, что религия — это этнический признак, который оказывается востребованным только в условиях чужбины.

LAÏCITÉ

В какой-то момент у меня возникла мысль, к которой почти все мои собеседники отнеслись крайне скептически, даже настроенно: уж не исламс-

кий ли фактор заставил действующего президента Франции заговорить о некотором — подчеркиваю, некотором, — даже не изменении, а (как бы сказать мягче) размышлении над отношениями государства и Церкви? Президент, похоже, склонен к этому, но делает это крайне осторожно и тонко. Хотя речь идет даже не о Церкви, а вообще о христианстве, но любое упоминание на эту тему, даже в исключительно культурной перспективе, неминуемо запускает привычный ассоциативный механизм — Церковь, клерикализм и так далее. Похоже, это настолько чувствительная сфера, что не остается незамеченным самое маленькое, едва различимое смещение вектора церковно-государственных взаимоотношений. Сегодня во Франции это особенно ярко видно. Повторюсь, к этим предположениям многие мои собеседники относились как к чему-то надуманному или как к изощренным спекуляциям.

Поворотной вехой в этом смысле стала речь президента Саркози в Латеранском соборе во время его визита в Ватикан в декабре 2007 года, о которой чуть ниже.

Возможно, подобное объяснение слишком романтично и наивно, но почему бы не предположить, что перемена в отношении государства в лице президента к Церкви обусловлена пониманием того, что «противостоять» исламизации сложно, если не невозможно. Я говорю даже не о религии, а о культуре. Как сохранить идентичность своей страны, культура которой рождена и возвращена христианством? Ответ инородному вызову может быть успешен, если он будет основан на чем-то действительно глубоком, серьезном, а главное — доказанном историей. То ли уважение к собственной истории и культуре, то ли просто интуиция, то ли какие-то другие расчеты подсказывают многим французам и их лидеру, что вряд ли можно опереться на что-то более солидное, чем христианство.

Подобные действия Саркози вызывают порой сильное раздражение не только в светском обществе, но даже в Церкви. Кстати, скрупулезные наблюдатели подсчитали, что президент Франции произнес в упомянутой речи шесть раз слово «Бог», а это, по их мнению, уже «перебор».

Здесь имеет смысл подробнее остановиться на ключевом для всей этой тематики термине, который на французском языке передается словом *laïcité*. Этимология этого слова, кажется, ясна: в основе — греческий корень «лаик», но тот смысл, с которым этот корень используется в церковном, например, православном богословском лексиконе («лаики» — народ, в отличие от «клириков»), уводит совершенно в сторону. Наиболее близким по смыслу переводом французского *laïcité* считается «светскость», то есть не что иное, как принцип отделения Церкви от государства, понимаемый в самом широком смысле слова. В каком же? Вот об этом и речь!

Именно здесь можно увидеть много общего между нашими странами. Франция имеет бога-

тейшую и интереснейшую христианскую историю, может быть, одну из самых мощных и плодотворных христианских историй в Европе, очень экспрессивную и продуктивную именно в плане Духа. И Франция, начиная с эпохи Великой Французской революции, — наиболее светское государство по сравнению с другими государствами Европы. Были и периоды агрессивного атеизма — не только в первые годы после революции, но и в начале XX века, — но менее продолжительные, чем в Советском Союзе.

Принцип отделения Церкви от государства, принцип этой самой «светскости», *laïcité* — это то, что парадоксально роднит Францию и Россию. *Laïcité* провозгласили враги Церкви, но выясняется, что этот принцип благодатен для самой Церкви (он был провозглашен во Франции во время революции, в начале XX века утвердился окончательно). Его можно даже оценить как приобретение, завоевание. Поместный собор Православной Российской Церкви 1917-1918 годов тоже к этому шел, хотя, может быть, и не в такой форме. Но и там речь шла о том, чтобы покончить с вмешательством государства в дела Церкви, даже если это государство провозглашает себя православным.

Laïcité глубоко проникло в сознание французского общества. Например, взяв с собой в поездку рясу и крест, я их ни разу так и не надел. Не потому, что стеснялся, — я был готов это сделать. Но было очевидно, что это неадекватная форма поведения.

В привычном, классическом смысле этот принцип понимается как стремление оградить государство и общество от воздействия Церкви, точнее, от клерикализма. Иначе говоря, исходная посылка носит отрицательный характер. Запало в душу то, как это сформулировал сотрудник Бюро культов при Министерстве внутренних дел: «Государство еще со времен Великой Французской революции и до сих пор придерживается принципа отделения Церкви от государства, но исходит при этом из априорной предпосылки, что религия, в частности Церковь, — это определенная угроза государству, то есть, это сила, которая в любой момент может посягнуть на сферу государства».

Исходя из такого понимания осуществляется принцип отделения Церкви от государства во Франции. И революция, и закон 1905 года — все это были попытки совсем исключить Церковь из общественной и политической жизни страны. В 1905 году, например, раздавались призывы вообще изгнать из Франции всех священнослужителей. И лишь Первая Мировая война, в которой многие священнослужители проявили свою патриотическую позицию, свела эту агрессивную волну на нет.

На этом фоне лучше видна и новизна политики Саркози по отношению к Церкви. Конечно, ни о каком нарушении принципа отделения Церкви от государства, этого самого *laïcité*, упаси Боже! речи не идет. Саркози стал говорить о том, что этот принцип, незыблемый принцип

Один из немногих сохранившихся в Париже средневековых домов

laïcité следовало бы понимать иначе: не в отрицательном, а в положительном смысле. Государство может видеть в религиозных объединениях, в частности в Церкви, то, что дает людям надежду и духовную опору, что способно культивировать духовно важные ценности. Это является безусловным благом для государства.

ВЕРА ЧИНОВНИКОВ

У нас все это немного иначе: по-русски более прямо и однозначно. Да, Церковь отделена от государства, это записано и в законе, и всем хорошо известно. Но при этом президент у нас открыто крестится, молится (и прежний, и нынешний, и их жены, другие руководители и чиновники), публично участвует в церковных мероприятиях. И если где-то и проявляется недовольство, то скрыто и как-то вяло («начальству все равно виднее»). Прошлогоднее письмо академиков — редкое исключение.

Во Франции такое было бы невозможно. Как объяснил мне один советник по делам религий при МИДе, сегодня можно охарактеризовать взаимоотношения между государством и Церковью (речь, разумеется, идет о Католической

Вид на остров Сите и собор Парижской Богоматери

Церкви), как некое напряженное динамическое равновесие, в котором любое малейшее изменение не устроит ни одну, ни другую сторону (вот почему легкие движения Саркози на этом поле, как я уже сказал, вызывают беспокойство у обеих сторон). То есть выстроился баланс, очень зыбкий, но баланс. Любое движение начинает раскачивать лодку.

Среди же чиновников среднего уровня встречаются самые разные варианты отношения к Церкви. Среди тех, с кем я общался, были господа, по-французски и по-европейски очень вежливые и тактичные с собеседником, но в разговоре становилось очевидно, что их мировоззрение — антицерковно. Но были и такие, которые симпатизируют Церкви. Кто-то это скрывал, а кто-то и нет. Запомнилась встреча с ответственным сотрудником МИДа. Сидим у него в кабинете, беседуем. Над столом портрет Президента, как положено. Потом встаем, идем к выходу, и у него на рабочем столе я вижу портрет Папы Бенедикта XVI. Как это понимать? А он: «Вы только никому не говорите!» Хотя не заметить, конечно, невозможно.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Прямое перенесение французского опыта на российскую почву — и невозможно, и ненужно. Безусловно, нельзя не учитывать специфику нашей страны. В России общество, даже когда оно провозглашает себя атеистическим и все увлеченно бросаются за этой идеей, — все равно остается глубоко религиозным. Правда, каким-то первобытно-религиозным. Мы все равно не смо-

жем с французской педантичностью и деликатностью придерживаться заявленного принципа светскости. Как показывает все тот же французский исторический опыт, предстоит еще много набить шишек, чтобы, наконец, найти ту золотую середину, которая позволяла бы соблюдать евангельский принцип «кесарю — кесарево, а Божие — Богу». В этом вопросе, мне кажется, мы еще не нашли оптимального решения.

И все же французский механизм государственно-конфессиональных отношений показался мне очень симпатичным. Очень хорошо, когда государство не вмешивается в дела Церкви, пусть даже ценой лишения определенных благ (а точнее, побряжек) и льгот (хотя это не цена, а наоборот, само по себе благо). После многократно повторенного печального исторического опыта идея симфонии кажется все менее привлекательной. Временные, пусть даже растянутые на века «симфонические» успехи всегда завершались крахом, как правило, кровавым. Оправдывается сказанное у самых истоков христианской истории, а именно в Евангелии: не следует поклоняться тому, кто предлагает владычество мира сего.

Находясь в условиях отделения от государства, в условиях жесткого, неприязненного внешнего вызова со стороны общества (как в Афинском ареопаге, где в свое время довелось побывать апостолу Павлу), Церковь как собрание людей имеет гораздо больше шансов быть Церковью как Телом Христовым..

*Записал Александр Буров
Фото: протоиерей Александр Сорокин*

ВЕРУЮЩИЕ И ГОСУДАРСТВО

КАКАЯ ИЗ КОНФЕССИЙ ТРАДИЦИОННЕЙ?

Роман Лункин

Кандидат философских наук,
директор Института религии и права

Когда в сегодняшней России заходит разговор об отношениях Церкви и государства, практически всегда поднимается тема так называемых «традиционных религий». Кто является представителем «традиционной» религии или конфессии, а кто нет? И чего может требовать от светской власти «традиционная религия»?

Практически всегда размышления об этом приводят к разделению религиозных объединений на «свои» и «чужие», а верующих — на «патриотов» и «не-патриотов». Причем парадокс современного религиозного сознания состоит в том, что обвинения в «нетрадиционности» делают, к примеру, неправославные общины сильнее, активнее, привлекательнее в глазах какой-то части общества, а ярлык «традиционности» накладывает такую ответственность, которую не каждый православный приход или епархия способны вынести.

Международный опыт свидетельствует о том, что каждая страна ищет свои пути социального партнерства. К примеру, в Соединенных Штатах, на которые часто ссылаются как на пример существования эталонных демократических правил, выработанных самой историей, запрещена любая поддержка Церквей властями. Религиозным организациям в США запрещается прямое получение правительственных грантов. Конституционное ограничение финансирования религии основано на представлении, что религия функционирует более эффективно, если она автономна, не связана с государством и ей не угрожает правительственный надзор и контроль. Как и в России, в США достаточно большое многообразие традиций и обычаев внутри страны, различные правила и соотношения религий в разных штатах. Поэтому только жесткое провозглашение принципа отделения Церкви от государства на федеральном уровне помогает избежать конфликтов. Финансировать можно лишь общественные благотвори-

Наши статьи о некоторых недостатках церковного управления в России, о замкнутости духовного сословия, о не совсем правильном отношении Церкви к государству и о различных лжах, затемняющих иногда у нас светлый лик истины, явленной миру учением православным, все это, как оказывается, смущает многих наших благочестивых читателей. Тут кроется недоразумение. Мы не ослабить хотим религиозное чувство, а усилить; не уменьшить уважение к вере и к Церкви, а поднять их на должную и заслуженную высоту. Вся беда в этом случае у нас, в России, от того, что в деле Церкви, как, впрочем, и во всем, ревнивей всего охраняется благовидность, внешнее благоприличие, и этим большую часть и удовлетворяется наша ленивая любовь к церкви, наша ленивая вера! Мы охотно жмурим глаза и в своей детской боязни страха открытой правды стараемся завесить для своих собственных глаз и для взора мира многое, многое зло, которое под покровом внешнего благолепия, благоприличия, благообразия, как рак, как ржавчина, точит и подъедает самый основной перл нашего духовнообщественного организма.

Иван Аксаков, газета «День» (1865)

тельные фонды и организации, но им не разрешается обращать в свою веру, а также допускать дискриминацию по признаку религиозной принадлежности при приеме на работу. Все эти правила разработаны в целях защиты религиозной свободы, недопущения дискриминации при использовании государственных денег для финансирования программ. В 2001 году президент Джордж Буш-младший выступил с предложением о выделении правительственных средств Церквям и другим религиозным организациям, которые занимаются социальным служением, что вызвало споры и бурю возмущения. Одни опасались, что будет разрушен принцип отделения Церкви от государства, другие, что Церкви, получившие средства, займутся прозелитизмом, третьи боялись, что средства могут также получить «нетрадиционные» религии и НРД (главным образом, саентологи). То есть «добрые намерения» Буша были

Храм святой великомученицы Екатерины, Невский проспект. Приход Армянской Апостольской Церкви

расценены как источник поддержки за счет денег налогоплательщиков маргинальных религиозных групп, так как магистральные американские Церкви и без этих денег помогали людям.

Вместе с тем американские законы не помешали православию в Северной Америке стать успешным в социальной сфере. Именно в США возникла первая крупная международная православная гуманитарная организация. Международное Православное Благотворительное Общество (ЮСС) — это признанная международная организация, работающая, в основном, в сложной обстановке на Балканах и Кавказе, а также в Эфиопии и Палестине.

Если ситуация в Америке характеризуется многоконфессиональностью и различием традиций и даже демократических законов, касающихся религии, то в европейских странах, как правило, существует одна или две исторические традиции. В Испании, Италии, Польше — католичество, в Германии, Франции, Чехии — католики и протестанты, в Швейцарии, Нидерландах — протестанты, в Украине — католики, протестанты и православные.

Законодательство значительного количества европейских стран отнюдь не является предельно либеральным, каким его часто принято считать. Демократичность государства совсем не исключает того, что оно может выделить какую-либо церковь или группу церквей и наделить ее особыми полномочиями и льготами. Светское государство, каким является Россия, должно уважать традиции, но относиться к их прямой поддержке прагматично. Это значит, что государство будет помогать Католической или Лютеранской церкви играть большую социальную роль, не затрагивая ее миссионерскую деятельность.

К примеру, немецкая модель (по определению профессора Елены Мирошниковой, кооперационная модель государственно-церковных отношений) гарантирует свободу не только личности, но и религиозным организациям, предоставляя им конституционные гарантии для деятельности в соответствии с правом на самоопределение. Эта модель стремится найти баланс между индифферентностью и идентификацией. В Германии введен особый статус для религиозных объеди-

нений — «субъект публичного права». Это позволяет Церквям приобретать некоторые привилегии, не будучи включенными в государственную структуру. Таким же образом субъектами публичного права являются и органы социального страхования, и добровольные объединения граждан, как общества охотников или профсоюзы. Государство обязано защищать те религиозные организации, которые имеют такой статус, и содействовать их общественной деятельности, что подразумевает сбор церковного налога и поддержку социальных проектов. Обеспечивая соблюдение свободы вероисповедания и свободы неверия, эта модель предусматривает некоторые привилегии религиозным организациям (в силу их специфических особенностей) по сравнению с другими общественными организациями.

В других странах не столь прямо на основании четких правил поддерживают Церкви и их работу. Католическая Церковь сама определяет свои отношения с властями, заключая с государством конкордаты. В Чехии в 2002 году была введена система, где один из пунктов о 10-летнем сроке с момента регистрации похож на требование российского Закона о свободе совести 1997 года. Правда, в Чехии введение такого срока было наполнено большим смыслом. Вновь зарегистрированные религиозные объединения Чешской республики могут приобрести «специальные права» только по прошествии 10 лет с даты их регистрации, если число их членов достигнет 0,1% от всего населения (более 10 тысяч верующих), а также если они публикуют ежегодные отчеты, состоят во Всемирном Совете Церквей и т. д. Религиозные организации, зарегистрированные по Закону 1991 года, автоматически получали эти «специальные права», однако при определенных условиях государство могло их отобрать. «Специальные права» таковы: преподавание религии в школе, создание своих школ, пастырское окормление тюрем и военных частей, получение государственных субсидий.

В отличие от того, что говорят о светском государстве радикальные демократы, отстаивающие равенство всех религий, споры о «традиционных конфессиях», а также о признании за ними тех или иных прав сближают Россию с европейской политической традицией, которая вполне ужилась с демократией. Даже в США существует своего рода «традиционная религия» — консервативный протестантизм, который считается средоточием американских ценностей. Просто в Соединенных Штатах, в отличие от Европы, нет традиции государственной религии, а государство держится на принципиальном признании свободы и различий разных штатов.

В России ситуация не менее сложная, чем в США и европейских государствах, где традиционные церкви частично утратили свое влияние, а глобализация принесла, помимо новых экономических правил, новую культуру и религиозность без определенных границ. Безусловно, исторической Церковью для нашей страны, носи-

Фото: Виктор Чепурнов

*Церковь Преображения Господня в Зеленогорске.
Приход Евангелическо-Лютеранской Церкви Ингрии*

телем многих черт характера и культуры русского и многих других народов, населяющих Россию, является Русская Православная Церковь. Патриарх Алексий II, митрополиты Кирилл и Климент не раз называли Церковь государствообразующей. Без Церкви, православной традиции и деятелей Русского Православия немыслима российская власть. Сложность взаимоотношений церковной и светской власти, сомнительность положительного влияния государства на церковную жизнь, стремление очистить страну от религии в советское время и контролировать Церковь — не отменяют, а только подчеркивают ту роль, которую православие, несмотря ни на что, продолжает играть в жизни России.

Можно ли назвать еще какое-либо религиозное объединение «традиционным», помимо тех, которые упомянуты в преамбуле Закона о свободе совести (православие, ислам, буддизм, иудаизм)? Исторически культура и традиция России уже немыслима без старообрядцев поповского толка и староверов-беспоповцев.

Соборная мечеть на Кронверкском проспекте

В Русской Православной Старообрядческой Церкви белокриничского согласия или в Поморской Древлеправославной Церкви много молодежных приходов, интеллигенции, как и до революции появляются бизнесмены.

Помимо этого, русское религиозное сознание уже нельзя представить без протестантской традиции. Баптисты и евангельские христиане с конца XIX века, а адвентисты и пятидесятники с начала XX века вобрали в себя традиции духовного христианства: молокан, духовных христиан, хлыстов, штундистов. В России сейчас десятки союзов и ассоциаций протестантского направления, как общероссийских, так и региональных. Лютеране, методисты, кальвинисты, представители Армии Спасения, которые до революции 1917 года были представлены, в основном, иностранцами: немцами, шведами, норвежцами, англичанами, в настоящее время являются полностью

российскими церквями. И все они в той или иной мере продолжают ту традицию, которая возникла до прихода советской власти и бурно развивалась после издания Манифеста о веротерпимости 1905 года.

Кроме этого вертикального измерения традиционной религиозности, существует и горизонтальное измерение в регионах, которое делает картину современной российской религиозной жизни еще более пестрой. Приведем самые яркие примеры, которые радикально отличаются от ситуации в регионах Центральной России, где православие всегда было доминирующей традицией. В Калининградской области, например, после ее образования в 1946 году были организованы и полуофициально существовали лишь общины баптистов и пятидесятников, но в 1980-е годы стали появляться православные общины. На 2006 год, когда автор проводил социологические иссле-

дования в Калининграде, даже с точки зрения представителей власти, ситуация выглядела иначе. По словам специалиста по взаимодействию с религиозными организациями областной администрации Игоря Гурова, в области зарегистрировано 53 православных прихода и два женских монастыря, всего зарегистрировано 64 православных религиозных организации. При этом в Калининградское пробство Московской епархии Евангелическо-Лютеранской Церкви (ЕЛЦ) входит 46 общин и групп. Кроме этого, существует 25 католических приходов и около 40 баптистских, евангельских и пятидесятнических церквей. Учитывая незарегистрированные евангельские группы (церкви-филиалы и т. п.), число неправославных христианских церквей превышает количество православных приходов в два раза, а католики и лютеране по понятным причинам также ощущают свою историческую традицию на прусской земле. Впрочем, к той же западнохристианской традиции, исконно существующей в России, себя причисляют представители русской интеллигенции, посещающие католические и лютеранские приходы на Русском Севере.

Другой своеобразный пример сочетания традиций — регионы Урала, Сибири и Дальнего Востока, куда бежали староверы, ссылали католиков и лютеран, а последние 20 лет создали симбиоз параллельно развивающихся православной и протестантской религиозности. О соотношении религиозных организаций в Тюменской области (без Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов) можно судить по красноречивым данным статистики. К Тобольской и Тюменской епархии относится около 77 приходов и организаций, 20 общин входят в Союз евангельских христиан-баптистов, более 40 церквей принадлежит пятидесятникам разных направлений, еще около 25 протестантских общин относит себя к лютеранам, адвентистам, евангелистам, методистам и пресвитерианам, и, наконец, 70 организаций входят в разные духовные управления мусульман на юге Тюменской области.

А, к примеру, в ХМАО-Югра — регионе, жизнь в котором стала активно развиваться лишь в советские годы, существует 55 приходов РПЦ МП и зарегистрировано 49 протестантских церквей. Особенно среди евангельских объединений выделяются: Объединение церквей ХВЕ ХМАО, входящее в РОСХВЕ, в котором числится 25 общин и групп с центром в Нижневартовске; объединение РСЕХБ с центром в Сургуте, в которое входит около 50 общин по ХМАО и ЯНАО. Кроме этого, действует около 10 групп Украинской Греко-католической Церкви. В большинстве сибирских и дальневосточных регионов чиновники давно смирились с тем, что протестанты миссионерствуют и занимаются социальной работой наряду с православными, а часто и там, где нет православных. Характерную для администраций Сибири и Дальнего Востока прагматичную позицию занимают чиновники в Красноярском

крае. По словам председателя комитета по делам национальностей, религий и общественных объединений краевой администрации Марка Денисова, «технология миссионерской и церковной работы протестантов очень близка современному обществу, тогда как Православная Церковь архаична». Среди протестантских течений традиционной считается Лютеранская Церковь, к которой еще до революции принадлежали немцы и эстонцы. Местные власти поддерживают контакты и с российскими баптистами, но не с теми церквями, которые были организованы американскими миссионерами. Пятидесятничество, как отмечает Денисов, является слишком разнородным явлением — иногда церковь держится только на харизматическом лидере, а иногда создаются «мощные церковные сети». Ключевым принципом религиозной политики в Красноярском крае является стремление учитывать реальное влияние религиозных направлений в различных районах. К примеру, существуют города и районы традиционно большого распространения православия, как город Енисейск. Наряду с этим, есть достаточно большое количество районов, где РПЦ не обладает большим влиянием. По мнению Денисова, в таких районах и в бывших комсомольских городах советского времени социальные проблемы вполне могут решать протестантские общины. Большинство сотрудников администраций не выражает столь открыто свою позицию, но, безусловно, думает именно так.

Объективно сложившаяся религиозная мозаика России не позволяет жестко разделить всех на «традиционных» и «нетрадиционных» и распространить это разделение на все регионы без исключения. Это совсем не означает, что Православная Церковь должна отказаться от своей ведущей общественной роли. Присутствие духовенства в армии — необходимость для большинства военнослужащих, что совсем не должно означать запрета на посещение военных частей пасторами и имамами. Преподавание православия в школах также связано с тем значением, которое имеет православие для многих, и в этом вопросе приоритетно мнение родителей и учителей, а не указания от министерства и представителей церковной среды, которые хотят ввести все сразу и с помощью власти.

Степень и содержание «традиционности» Русской Православной Церкви, как и других исторических конфессий России, зависит совсем не от государства. Сохранение традиций, воспитание общества со стороны Церкви возможно лишь в том случае, если Церковь преумножит свою социальную роль как института гражданского общества. Работа с сиротами, бомжами, нарко- и алкозависимыми, привлечение в приходскую жизнь творческих людей, образовательные и культурные проекты конкретных общин и епархий намного больше говорят о «традиционности», чем любые самые процерковные законопроекты.

СТОЛПЫ НЕВЕРИЯ

ЖЕСТОКАЯ ФИЛОСОФИЯ НИКОЛЛО МАКИАВЕЛЛИ

Питер Крифт

Известный католический апологет, профессор философии в Бостонском колледже, автор более 45 книг

Нам нужно говорить о «врагах» веры, потому что духовная жизнь — это настоящая война. Об этом говорят все пророки, апостолы, мученики и Сам наш Господь.

И все же мы стараемся избегать разговоров о врагах. Почему же?

Отчасти боясь смешения духовных и материальных врагов; боясь возненавидеть грешника вместе с грехом; боясь забыть, что «наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесной» (Еф. 6, 12).

Однако еще никогда в истории этот страх не был таким безосновательным, как сейчас. Ни один век не был таким подозрительным по отношению к милитаризму и не был напуган ужасами войны, как наш. И ни в одном столетии люди не были более склонны смешивать грех и грешника, не ненавидя грешника вместе с грехом, но любя грех вместе с грешником. К сожалению, мы часто используем слово «сострадание» в качестве эквивалента этическому релятивизму.

Еще одна причина — наша мягкотелость. Мы не любим сражаться, поскольку сражение подразумевает страдание и жертвы. Война не обязательно мучительна, но она ужасно неудобна. Также мы не уверены в существовании чего-то, за что стоит сражаться. Возможно, у нас нет мужества, поскольку у нас нет мотивов для него.

Размышляя таким образом, мы ведем себя как современные люди, но не как христиане. Как христиане мы знаем, что жизнь — это духовная война, в которой существуют духовные враги. Если мы признаем это, следует сделать следующий шаг. На войне необходимо знать своего врага, иначе его шпионы незаметно пройдут мимо нас. Серия данных статей посвящена осознанию наших духовных врагов в борьбе за сердце совре-

менного человека. Мы рассмотрим шесть мыслителей эпохи нового и новейшего времени, которые оказали огромное влияние на нашу жизнь и одновременно нанесли огромный вред христианскому сознанию.

Их имена: Макиавелли — изобретатель «новой морали»; Кант, субъективировавший Истину; Ницше — самопровозглашенный «антихрист»; Фрейд — основоположник «сексуальной революции»; Маркс — ложный Моисей для народных масс; Сартр — апостол абсурда.

Никколо Макиавелли (1496–1527) был основателем современной политической и социальной философии. Макиавелли понимал, насколько радикален он был. Он, как открыватель нового мира, сравнивал свою деятельность с деятельностью Колумба и Моисея, видел в себе вождя нового избранного народа, который выйдет из-под рабства моральных идей в новую обетованную землю власти и практицизма.

Революцию Макиавелли можно суммировать в шести пунктах.

Для всех предшествующих социальных мыслителей целью политической жизни была добродетель. Хорошим считалось общество, состоящее из хороших людей. До Макиавелли не существовало «двойного стандарта» по отношению к личной и социальной добродетели. С его приходом политика перестала быть искусством добра, но стала искусством возможного. Его влияние в этом вопросе было огромным. Все крупные социальные и политические философы (Гоббс, Локк, Руссо, Кант, Гегель, Маркс, Ницше, Дьюи) последовательно отказывались от достижения добродетели в качестве цели после понижения ее стандарта Макиавелли, и практически все начали салютовать этому новому поднятому на мачту флагу.

Макиавелли утверждал, что традиционные моральные устои подобны звездам — красивым, но слишком далеким, чтобы пролить достаточно

света на нашу земную дорогу. Вместо их нам нужны искусственные светила, другими словами — достижимые цели. Мы должны искать наши ориентиры на земле, а не на небе; в том, что люди и общества действительно делают, а не в том, что они должны делать.

Суть революции Макиавелли заключалась в том, чтобы оценивать идеальное посредством реального, а не реальное — идеальным. Идеал хорош только в том случае, если он практичен; тем самым, Макиавелли — отец прагматизма. Не только «цель оправдывает средства», любые действенные средства, но и средства оправдывают цель, ибо цель достойна стремления только в том случае, если существуют практические средства для ее достижения. Другими словами, новый *summum bonum* или величайшее благо — это успех. (Макиавелли говорит не только как первый прагматик, но и как первый американский прагматик!)

Макиавелли не просто понизил моральные стандарты, он упразднил их. Он был не только прагматиком, но и антиморалистом. Мораль, согласно его точке зрения, имеет значение для успеха только в том случае, если она вставала на пути его достижения. Он учил, что успешный государь должен «научиться, как не быть хорошим» (Государь, глава 15), как не выполнять обещаний, лгать, мошенничать и тайком добиваться своих целей (глава 18).

Из-за подобных бесстыдных взглядов Макиавелли некоторые его современники полагали, что его книга «Государь» была вдохновлена дьяволом. Однако современные ученые обычно считают ее научным плодом. Они защищают Макиавелли, заявляя, что он не отрицал мораль и книга совсем о другом: о том, что есть на самом деле, а не о том, что должно быть. Они даже хвалят Макиавелли за отсутствие лицемерия, считая, что нравственное поведение равнозначно лицемерию.

Это общее для современности неверное понимание лицемерия: невыполнение того, о чем проповедуешь. В этом смысле все люди — лицемеры до тех пор, пока они не перестанут проповедовать. Мэтью Арнолд определил лицемерие как «дань, которую грех платит добродетели». Макиавелли первым отказался платить эту дань. Он преодолел лицемерие не путем поднятия практики до уровня проповеди, но опустив проповедь до уровня практики, приспособив идеал к реальности, а не реальность — к идеалу.

Фактически он призывает: «Замолчи!». Можете ли вы представить Моисея, говорящего Богу на горе Синай: «Замолчи!»? Или Богородицу, говорящую это Ангелу? Или Христа в Гефсимании с этим призывом на устах вместо слов «Отче, да будет не Моя воля, но Твоя»? Если вы можете это представить, то вы представляете себе ад, поскольку наша надежда на рай — это те люди, которые сказали Богу: «Говори!»

Однако в действительности мы неправильно определяем понятие «лицемерие». Лицемерие

— это не неспособность осуществлять то, что ты проповедуешь, но неспособность верить в проповедуемое. Лицемерие — это пропаганда.

Можно сказать, что Макиавелли был изобретателем лицемерия, поскольку он был изобретателем пропаганды. Он был первым философом, который хотел изменить весь мир с помощью пропаганды.

Он считал свою жизнь духовной войной против Церкви и ее пропаганды. Он полагал, что каждая религия представляет собой образец пропаганды, ее влияние длится от 1666 до 3000 лет. Макиавелли считал, что христианство закончит свое существование задолго до конца света, вероятно, около 1666 года, будучи стертым с лица земли либо варварскими набегами с Востока (из современной России), либо размягчением и ослаблением христианского Запада изнутри, либо тем и другим. Все его сторонники были теплохладными христианами, которые любили свое земное отечество больше, чем небесное, цезаря — больше, чем Христа, социальный успех — больше, чем добродетель. К ним он обращал свою пропаганду. Абсолютная откровенность в отношении ее последствий была невозможна, поскольку неизбежно проповедовала атеизм, поэтому Макиавелли старался избегать явной ереси. Но он разрушал «католическую фальшивку» посредством агрессивной секулярной пропаганды. (Вполне можно утверждать, хотя кому-то это может и не понравиться, что он был отцом современной масс-медийной элиты).

Макиавелли открыл, что для управления поведением людей и для контроля над человеческой историей, необходимо два инструмента: перо и меч, пропаганда и оружие. Таким образом можно господствовать и над умами, и над телами, а господство было его целью. Он считал, что вся человеческая жизнь и история определяются только двумя факторами: *virtu* (сила) и *fortuna* (шанс). Простой формулой успеха было: максимизация *virtu* и минимизация *fortuna*. Он оканчивает свою книгу «Государь» следующей шокирующей метафорой: «Фортуна — это женщина, и если ее надо подчинить, то необходимо бить и принуждать ее» (глава 25). Другими словами, секрет успеха — в осуществлении насилия.

Для достижения контроля нужно как оружие, так и пропаганда, и Макиавелли был сторонником «жесткой» политики. Он полагал, что «нельзя иметь хороших законов без хорошего оружия, и где есть хорошее оружие, там неизбежно появляются хорошие законы» (глава 12). Другими словами, вспоминая Мао Цзэ-Дуна, законность «появляется из ствола орудия». Макиавелли полагал, что «все вооруженные пророки победили, а невооруженные — потерпели неудачу» (глава 6). Тем самым Моисей должен был использовать оружие, о котором Библия ничего не сообщила; Христос — величайший безоружный пророк потерпел неудачу: Он был распят и не воскрес. Однако Его послание завоевало мир с помощью пропаганды, с помощью

интеллектуального оружия. Именно такую войну и хотел вести Макиавелли.

Социальный релятивизм также возник из философии Макиавелли. Он не признавал каких-либо законов над законами тех или иных обществ. Поскольку эти законы и общества чаще возникали на основании насилия, чем морали, то, следовательно, мораль основана на аморальности. Аргументация была следующей: мораль может происходить только от общества, поскольку нет Бога и данного Богом универсального естественного нравственного закона. Однако любое общество возникает на основании какой-либо революции или жестокости. Например, римское общество и возникновение римского права началось с убийства Ромулом своего брата Рема. История всего человечества начинается с убийства Каином Авеля. Следовательно, основанием закона является беззаконие. Основание морали — аморальность.

Сила этого аргумента основывается на его первом допущении, которое, как и весь социологический релятивизм, включая тот, который, господствуя в умах писателей и читателей почти всех современных учебников по социологии, в действительности есть скрытый атеизм.

Макиавелли критиковал с помощью подобных аргументов христианство и классические идеалы милосердия. Он спрашивал: каким образом ты получаешь те блага, которые раздаешь? Путем эгоистичной конкуренции. Все имущество приобретается за счет других: если кусок моего пирога намного больше, то кусок другого человека должен быть настолько же меньше. Таким образом, альтруизм основывается на эгоизме.

Данный аргумент исходит из предпосылки материализма, поскольку духовные блага не уменьшаются, когда ими делятся или их отдают; если я их приобретаю, то другой человек тем самым не лишается их. Чем больше денег я получаю, тем меньше у тебя, и чем больше я отдаю, тем меньше у меня остается. Но любовь, правда, дружба и мудрость возрастают, а не убывают, когда ими делятся. Материалист просто не видит этого или не думает об этом.

Макиавелли считал, что все мы в своей сущности — эгоисты. Для него не существовало таких понятий, как врожденная совесть или моральный инстинкт. Поэтому единственным способом заставить людей вести себя нравственно было принуждение, фактически тоталитарное насилие для вынуждения людей поступать вопреки их природе. Поэтому основы современного тоталитаризма также восходят к Макиавелли.

Если человек эгоистичен по своей сущности, то только страх, а не любовь, может эффективно двигать им. Поэтому Макиавелли писал: «Гораздо лучше быть запуганным, чем любимым... [так как] человек меньше беспокоится о том, что оскорбит любящего его, чем того, кто вызывает у него страх. Люди — жалкие создания, разрывающие узы любви, когда это им выгодно, а страх

усиливается угрозой наказания, что всегда эффективно» (глава 17).

Самым поразительным во всей этой жестокой философии является то, что она завоевала современные умы путем размытия и скрытия своих самых темных аспектов. Последователи Макиавелли смягчали его атаку на мораль и религию, но они не вернулись к идее личного Бога или объективной и абсолютной морали в качестве основы общества. Осуществленное Макиавелли сужение стало казаться расширением. Он просто отрезал верхушку здания жизни: нет Бога, только человек; нет души, только тело; нет духа, только материя; нет долженствования, только реальность. И все же это обрезанное здание стало казаться (благодаря пропаганде) Вавилонской башней, это ограничение было представлено как освобождение от «уз» традиционной морали, от которой освободиться так же просто, как расстегнуть давящий пояс.

Дьявол — это не сказка; он — великолепный стратег и психолог, и он в высшей степени реален. Аргументы Макиавелли — самые успешные его обманы на сегодняшний день. Во время искушения он использует эту ложь, чтобы выдать зло за нечто доброе и желанное; чтобы представить свое рабство как свободу, а «сияющую свободу сынов Божиих» — как рабство. «Отец лжи» любит не просто мелкий обман, но великую Ложь, любит переворачивать правду с ног на голову. И ему это будет удаваться, если мы не сорвем маску со шпиров Врага.

Перевод с английского Натальи Хулан

ГРАД ПЕТРОВ
РАДИО САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ МИТРОПОЛИИ

Слушайте в интернете
www.grad-petrov.ru
с 08.00 до 01.00:

В Петербурге на частоте 1323 кГц

Программа о социальной деятельности
Санкт-Петербургской епархии

«Служение»

каждую неделю по средам в 10.30
с повтором в четверг в 16.10
и субботу в 10.30

Слушайте подробный рассказ об организациях,
указанных в справочнике
«Благотворительность Санкт-Петербургской
епархии»

Программы радио "Град Петров" выходят на CD

Адрес редакции: 199034 Санкт-Петербург, наб. Лейтенанта Шмидта, д.39.
Тел.: (812) 328 2932; факс: (812) 328 2689; e-mail: office@grad-petrov.ru;
www.grad-petrov.ru

«РУССКАЯ ТРОЯ»

В

Петербурге открылся Музей военного костюма. С начала ноября он принимает посетителей ежедневно.

Музей уникален тем, что здесь размещена единственная в России выставка, посвященная Крымской войне 1853–1856 годов. Все экспонаты представлены исключительно в подлинниках. Они собраны из частных коллекций и привезены с места раскопок. Посетитель может увидеть не ксерокопированные, как почти во всех серьезных городских музеях, а подлинные «Ведомости» с «известиями из Черного моря», заглянуть в феску (шапку) мусульманина, внутри которой — зеркальце, и... улыбнуться своему отражению, узнать, как выглядел орден святого Георгия «для нехристиан», что такое шляпа берсальера...

Сама жизнь в осажденном Севастополе, который в Европе называли «Русская Троя», уже была подвигом: солдатам месяц службы здесь засчитывался за год. Самоотверженность и героизм людей, боровшихся 11 месяцев под чугунным градом, погибавших там, где и улицы, и даже морское дно у берега были вымощены ядрами (они тоже представлены в экспозиции), — потрясают. И об этом очень красноречиво рассказывают экспонаты выставки.

Среди военных мундиров России, Великобритании, Сардинии, Франции, Турции... под-

рядник священнослужителя, священнический крест на владимирской ленточке, складни, иконы, корсунский крест... «Собственно, мы и создавали музей с мыслью о том, что люди смогут иначе почувствовать жизнь. Понять, что дух — это единственный фундамент, на котором можно правильно развиваться и стране, и людям», — говорит экскурсовод музея — доцент Восточного факультета Богдан Викторович Небелевич. Коллекцию, которая легла в основу выставки, он собирал несколько десятилетий.

Экскурсовод музея- доцент Восточного факультета СПбГУ Вадим Михайлов рассказывает:

— Англо-французская эскадра пыталась сломить Севастополь. И не могла это сделать. Вера поднимала дух! Священники шли в бой вместе с солдатами, шли впереди, не преклоняя головы, осеняя свою паству крестом. Это вызывало восхищение у врага. В одной из французских книг, посвященных Севастопольской битве, я встретил описание того, как французские воины даже прекратили огонь, когда увидели на передовой седовласого батюшку.

Адрес музея: Санкт-Петербург, ул. 3-я Советская, д. 8 б. Заявки на экскурсии можно подавать по телефону (812) 717-08-05.

Светлана Аксенова

ПАМЯТЬ НАЦИИ: СТАРАЯ КОЛОМНА

Б

блиотека-музей «Старая Коломна» до конца ноября приглашает на выставку «Церковная жизнь Коломны», которая посвящена храмам этого района.

Входишь в библиотеку и... попадаешь в старый Петербург: стоят фонари, похожие на старинные, стены фойе расписаны видами нашего города. Библиотеке пятьдесят лет, это самый маленький филиал Централизованной библиотечной системы имени Лермонтова. Галина Ивановна Беляева, заведующая сектором краеведения, рассказывает нашему корреспонденту: «Наше направление — краеведение. Поэтому помещения стилизованы под XIX век. Наш район не парадный, не имперский, но это центр. Гоголь в свое время назвал этот район „захолустьем“. Но в XIX веке это место выбрали для своих резиденций три великих князя. При Екатерине II был построен Большой каменный театр, и здесь стали селиться актеры, писатели, художники: Пушкин, Лермонтов, Тютчев, Сомов, Добужинский, Репин, Чюрлеонис... — кто здесь только не жил! Художникам здесь нравилось: красиво, много воды: четыре реки, три канала».

Из «старо-петербургского» фойе посетители проходят на абонемент, где на стенах — стенды с фотографиями храмов, каждый стенд сопро-

вождается пояснительным текстом. В витринах — книги из фондов библиотеки, рассказывающие не только об истории храмов и о церковном искусстве, но и об основах веры.

«Мы составили проект «Память нации», — продолжает Галина Ивановна. — Он был утвержден в Комитете по культуре, нас поддерживают и дают деньги на осуществление проекта. Каждый год мы выбираем тему, и я делаю выставку. У меня сфотографирован каждый дом Коломны на всякий случай, потому что всё меняется не в лучшую сторону. Чтобы подготовить выставку, я работаю в архивах, в Российской национальной библиотеке. Окрестные жители уже привыкли к тому, что у нас каждый год выставка. Я вожу экскурсии по экспозиции для школьников. В этом году тема «Церковная жизнь Коломны». Тема очень трудная из-за своей обширности».

Центральное место на выставке занимают православные храмы Коломны, главный среди них, конечно, Николо-Богоявленский морской собор. Интересно, что знаменитый вид — отражение колокольни собора в водах Крюкова канала — возник не сразу: раньше канала рядом с собором не было, его продлили позже. «Архитектор Чевакинский словно предчувствовал, что так будет, и теперь мы даже представить не можем, как это

без канала, — говорит Галина Беляева. — Нико-ло-Богоявленский собор никогда не закрывался, и в нем сохранились барочные интерьеры XVIII века. Мы по праву считаем собор «своим»: почти весь XVIII век все жители Коломны были прихожанами Никольского собора.» В конце XVIII — начале XIX века в Коломне была построена на пожертвования прихожан по проекту архитектора И. Е. Старова Покровская церковь. Коломна делится на Большую и Малую, и граница проходит по Екатерининскому каналу. То, что севернее канала, — Малая Коломна, южнее, где находится и библиотека, — Большая Коломна. Она не по территории больше, а по количеству населения. Покровская церковь была построена для Большой Коломны, в советское время (в 1934 году) была снесена под предлогом, что мешает трамвайному движению, хотя никакому движению она не мешала, конечно. Прихожанином этой церкви в молодости был Пушкин, и он посвятил ей несколько строк: «... Я живу/Теперь не там, но верною мечтою/Люблю летать, заснувши наяву,/В Коломну, к Покрову — и в воскресенье/Там слушать русское богослуженье». Для Малой Коломны позже архитектором Н. Е. Ефимовым была построена на пожертвования горожан Воскресенская церковь, которую снесли в 1932 году. Воскресенская церковь стояла на Воскресенской площади, которая ныне называется площадью Кулибина, хотя об этом мало кто знает. Безликую площадь, утратившую архитектурную доминанту, местные жители называют просто «квадрат». При Воскресенской церкви была часовня, представлявшая собою копию вертепа из храма Рождества Христова в Вифлееме. Еще один не сохранившийся до наших дней коломенский храм «Спас-на-водах» — памятник морякам, погибшим в Цусимском сражении. Представление об исчезнувших храмах дают архивные фотографии, архитектурные чертежи. Помимо храмов, на выставке представлены фотографии домов причта, благотворительных обществ при храмах. Ныне это обычные жилые дома.

Отдельный стенд посвящен Свято-Исидоровской церкви, которая находится по соседству с библиотекой. Когда-то она была построена для православных эстонцев, и первый взнос на ее строительство сделал святой праведный Иоанн Кронштадтский. «До этого православные эстонцы молились в лютеранском храме на Офицерской, что было не очень удобно, — поясняет Галина Ивановна. — Когда эстонцы называют нас оккупантами, мне становится неловко за них. Ведь этот храм для православных эстонцев возводился на пожертвования русских! При храме было общежитие для безработных девушек, это помогало им не скатиться, не встать на неправильный путь». В советское время храм был закрыт и разорен, долгое время помещение занимал живописно-оформительский комбинат Худфонда. В конце 1960-х купола восстановили, чтобы из окон гостиницы «Советская» открывался красивый вид. Церковь была возвращена верующим в 1994 году, а 6 ок-

тября 2007 года обновленный храм праздновал 100-летие, и Божественную Литургию возглавил Митрополит Петербургский и Ладужский Владимир. Когда храм вернули верующим, ФСБ передал храму часть икон, конфискованных на таможене. Поэтому в храме есть старинные, намоленные иконы. Сотрудники библиотеки дружат с настоятелем храма отцом Феодором Любым и клириком храма отцом Константином Костроминым, который предоставил фотографии для выставки. 21 ноября в библиотеке пройдет конференция «Церковная жизнь Коломны», на которой выступит отец Константин.

Для тех, кто интересуется темой, Галина Ивановна распечатала статью Ольги Васильевой, кандидата исторических наук, научного сотрудника Института российской истории РАН, «Русская Православная Церковь и Советская власть в 1917-1927 годах» и интервью с ней же — «Золото Церкви. 1922 год» — об изъятии церковных ценностей.

Одну из стен библиотеки занимают стенды, посвященные неправославным храмам Коломны. Галина Беляева рассказывает о католическом храме святого Станислава, восстанавливать который помогли краковские поляки. Была в Коломне и лютеранская церковь святого Иоанна, которую в советское время перестроили в жилой дом.

Одно из выдающихся культовых зданий Коломны — здание Большой Хоральной синагоги, памятник архитектуры федерального значения. Санкт-Петербургская синагога — вторая по величине в Европе, архитектор Стасов называл ее лучшей синагогой в Европе. Здание было построено в 1893 году по указу императора Александра II архитекторами Шапошниковым и Бахманом при участии Стасова и Бенуа в мавританском стиле. Синагога никогда не закрывалась, даже в годы блокады.

«Петербург всегда был многоконфессиональным городом, — подчеркнула Галина Ивановна. — Это хорошо видно на примере маленькой Коломны, где мирно жили и разные народы, и разные вероисповедания».

Татьяна Кириллина
Фото: Станислав Марченко

АРХИТЕКТУРА БУДУЩЕГО

ВЫСОТНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
ДОБРАЛОСЬ ДО СТЕН НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ

ОБИТЕЛЬ В ТИСКАХ НЕБОСКРЕБОВ

Новодевичий монастырь находится посреди огромного города и, видимо, призван свидетельствовать о Творце в самой гуще агрессивного и все более ожесточающегося мира...

Однажды насельницы обители почувствовали, как сотрясаются старые стены, и им стало не по себе. Что это? дурное предзнаменование или где-то идет ремонт, прокладывают ветку метро? Оказалось, к северу от обители, на пересечении Московского проспекта и Киевской улицы, вбивают сваи. За монастырской оградой стали расти дома.

Чистый думает чисто, а добрый — по-доброму. Как рассказывает настоятельница монастыря игумения София (Силина), сестры по своей монастырской традиции продолжали «думать в лучшую сторону»: раз строят, значит, есть разрешение от городского ведомства по охране памятников. Первая женская обитель Санкт-Петербурга берет свое начало от Смольного монастыря, при императоре Николае I для обители было выделено место на окраине города (сейчас это Московский проспект, 100) на Московском тракте. Новодевичий монастырь — памятник федерального значения.

Но недавно многоэтажки вступили в дерзкий спор с доминантами монастыря. Его обитательницы и прихожане обратились к вице-губернатору Александру Вахмистрову и... узнали, что строительство будет «довольно высокое» — в девятнадцать этажей. Слегка утешил другой чиновник — председатель комитета по градостроительству и архитектуре Александр Викторов. В его ответе говорилось, что КГА «примет все необходимые меры по урегулированию вопросов развития застройки Санкт-Петербурга в сохранении его исторического облика и непосредственно объекта культурного наследия Воскресенского Новодевичьего монастыря».

Эти слова, как теперь признается матушка София, вселили в нее надежду, что беда обойдет монастырские стены стороной, и на какое-то время усыпили ее бдительность. Между тем высотки элитного комплекса «Империл» строятся всего в ста метрах от старинной обители, превывсив купола ее храмов. Сейчас высотки выше храмов уже на 50 метров, и это далеко не предел.

Как пояснил руководитель первой проектной мастерской бюро Генплана Борис Николащенко, первоначально проект жилого комплекса на Киевской допускал высоту в 120 метров. Застройщик не сразу согласился понизить высотность домов-башен до 73 метров. А самая высокая точка монастыря — 40 метров. Даже высота исторической колокольни, которую предполагается воссоздать, составит всего 57 метров... Если городские власти и общественность не вмешаются, прекрасные силуэты куполов, увенчанных крестами, чудом уцелевший посреди города участок земли, на котором лучшие зодчие прославляли своими

шедеврами Творца, «утонет» в тисках небоскребов, выросших с трех сторон обители. Исторический вид на обитель со стороны Обводного канала на наших глазах утрачивается навсегда: монастырь уже не будет виден за высотками.

КУЛЬТУРА «ПО-ЕВРОПЕЙСКИ»?

У некоторых избранных, правда, будет возможность наблюдать «церковный» пейзаж из окон своих престижных жилищ. В рекламе новых квартир, которые уже продаются (первая очередь комплекса из восьми домов намечена к сдаче в 2009 году), сказано, что новоселы получат прекрасный вид на монастырь.

«Жильцы домов будут с высоты птичьего полета смотреть на то, что происходит на нашей территории. А нам придется мириться с громкой музыкой, светскими праздниками, фейерверками. Кому-то, наверняка, не понравится колокольный звон, особенно ночной», — сокрушается матушка София.

Ответственные лица твердят, что территория вокруг монастыря «депрессивная», ее надо развивать. До Октябрьской революции здесь были скотобойни, склады, задворки Варшавского вокзала, утилизационный завод. При советской власти начали строить дома, и вот пришла пора это дело завершить... «Возможно, монастырь — не та организация, которая может выводить из «депрессивного состояния» какие-то участки. Но совсем не обязательно, развивая одну территорию, фактически уничтожать духовный смысл другой», — размышляет матушка.

О дальнейших планах инвесторов и застройщиков сестры, несмотря на обращения в органы власти, точной информации пока не имеют. Впрочем, об одном намерении им стало известно из беседы с Александром Викторовым. Со стороны Черниговской улицы, на месте бывших Бадаевских складов, предусмотрено строительство еще одного жилого квартала с торгово-развлекательным центром т.е. «домом культуры европейского типа» высотой более 100 метров.

Петербургские монахи, понятно, не имели желания и возможности побывать в европейских

Игумен Александр (Федоров),
 председатель Архитектурной комиссии
 Санкт-Петербургской епархии,
 преподаватель Государственного
 академического института живописи,
 скульптуры и архитектуры имени
 И. Е. Репина:

Петербург, в котором мы живем, уникален. В мировом градостроительстве можно назвать только несколько примеров целостных систем градостроительных ансамблей. Городов красивых много, городов с памятниками и святынями тоже много, но городов, где так все цельно выстроено, — единицы. Среди этих единиц наш Петербург. Он прошел все свои три столетия с достоинством, приобретая и не утрачивая того, что было в нем ценного. Сегодняшнее время таит много разных опасностей. Есть много примеров непрофессионального подхода к современному градостроительству, который приводит к тому, что многое искажается или даже разрушается.

И профессионалы в области истории архитектуры и архитектуры практической, и историки, и социологи, и люди, которые занимаются коммунальным хозяйством города, — все те, кто так или иначе несет ответственность за наш город, должны были бы, учась у города, видя, что он в себе несет, продолжать традиции. Нужно их развивать и помнить, что наш город является, хоть и живым, целостным, но все-таки музеем под открытым небом, который нужно поддерживать и благоустраивать.

домах культуры. Но, судя по всему, предлагаемый проект приблизит непосредственно к стенам их монастыря современную молодежную «субкультуру» с дискотеками и увеселительными ночными мероприятиями.

Новые претенденты на строительство вблизи монастырских стен из компании «Тригранит», с которыми встретила матушка София, прямо задали ей вопрос, свидетельствующий о ценностных установках нынешних инвесторов и застройщиков: нельзя ли «кусочек кладбища, который немножко выступает вперед», использовать под прокладку дороги? Выяснилось, что рядом с монастырем планируется новая магистраль, и дорожники хотели бы ее немножко «спрямить» за счет сноса старых захоронений.

«Я не хочу, чтобы похороненные там усопшие являлись мне по ночам, а вы — смотрите сами», — ответила настоятельница. И напомнила своим собеседникам слова русского классика о «любви к отеческим гробам», по которой можно судить о культуре общества и его будущем. Семьдесят лет назад на Новодевичьем кладбище уже носили кресты и надгробия. Когда его посетители интересуются, где некрополь Карамзиных, им говорят: «Под асфальтовой дорожкой». Родовое захоронение закатали когда-то к очередному юбилею родственников Ленина и Крупской, к могилам которых прокладывали удобный путь.

На самом деле Новодевичье кладбище, одно из старейших в городе, гораздо больше своих теперешних границ. На костях наших предков стоит здание Института машиностроения и другие постройки советского времени... Исторические

границы земельных владений монастыря, по мнению игумении Софии, должны стать его охранной зоной.

Вот цитата из письма матушки в Законодательное собрание города, в котором названы некоторые допущенные нарушения: «Проектно-сметная документация на данные жилые дома не прошла необходимые согласования, госэкспертизу проекта, а на сами строительные работы не выдавались соответствующие разрешения. Кроме того, нарушена санитарная охранная зона Новодевичьего кладбища, нормативы по парковочным местам автотранспорта, отсутствует согласование федеральных органов охраны памятников в части соблюдения охранной зоны комплекса Воскресенского Новодевичьего монастыря. Осуществленная проектная высотность зданий 74 метра не обсуждалась на ранее проведенных общественных слушаниях».

Однако, как выяснилось в ходе независимого расследования, проведенного организацией «Живой город», в проекте зон охраны культурного наследия северной столицы такой «объект», как Новодевичий монастырь с его историческими земельными владениями, не значится. То есть федеральный памятник истории и культуры не имеет собственной охранной зоны и соответствующей зоны регулирования застройки. Их разработки требует закон «Об объектах культурного наследия», а потенциальным разработчиком является городской комитет по охране памятников.

На просьбы о помощи в официальные структуры пока откликнулись лишь петербургские парламентарии, направившие запрос губернатору Валентине Матвиенко. Специально созданная парламентская комиссия пришла к выводу, что строительство, даже в его незавершенном виде и вне зависимости от близости комплекса монастыря, нарушило требования высотности для самого Московского проспекта. Уровень его застройки в зоне от 150 до 200 метров от оси этой ценной градообразующей магистрали не должен превышать 40 метров!

НОВЫЙ ВАВИЛОН?

Осаждающая Новодевичий монастырь компания «ЛЭКстрой» недавно прославилась еще одним жилищным комплексом, диссонирующим с «небесной линией» Санкт-Петербурга: ее «Серебряные зеркала» загородили вид из глубины Петроградской стороны на главную доминанту города — собор Петропавловской крепости.

В Законодательном Собрании говорят, что обращение игумении Софии станет поводом для подготовки депутатских слушаний по проблемам застройки территорий вокруг религиозных строений с приглашением представителей конфессий.

Адекватной реакцией на ситуацию стало и решение Госстройэкспертизы оштрафовать «ЛЭКстрой» на 1 миллион рублей за строительство рядом с монастырем без соответствующего раз-

Когда готовился к печати этот номер «Воды живой», стало известно, что губернатор Валентина Матвиенко в ответе на запрос депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга признала незаконность данного строительства и нарушение допустимого высотного регламента. Срок разработки под застройку земельного участка истек 1 апреля 2008 года, а проектная документация компании ЛЭК не прошла экспертизу в Госстройнадзоре, подтвердила глава исполнительной власти. Депутатское расследование продолжается, за помощью его инициаторы обратились в городскую прокуратуру.

решения. Компанию обязали приостановить работы «до получения специальных разрешительных документов».

О «градостроительной ошибке» (второй официально признанной после скандала с высотной биржей «Финансист», испортившей вид на Стрелку Васильевского острова), публично заявил уже названный Борис Николащенко. Беспрецедентное решение о разборке двух верхних этажей биржи, как известно, принято правительством Санкт-Петербурга. По логике, такой же вердикт нужно вынести в отношении комплекса «Империял».

На веб-сайте этого жилищного комплекса изображены строения, устремленные высоко вверх, к сияющим на небе звездам... Все выше

поднимаются над городом святых апостолов Петра и Павла евростандартные новоделы — современные реплики Вавилонской башни. Уже три года нам обещают, что главная из них — газпромский «Охта-центр» напротив комплекса Воскресенского Смольного монастыря — достигнет 400 метров, превысив все церковные доминанты — шпили и купола...

«Градостроительные ошибки», которым город потерял счет, так или иначе олицетворяют человеческую гордыню и тщеславие. Бездуховная архитектура XXI века бросает вызов Богу. Но из истории Вавилона хорошо известно, чем это кончается.

Елена Югина

Фото: Станислав Марченко

ИСКУССТВО РАЗЛУКИ

КАК ПЕРЕЖИТЬ ПОТЕРЮ БЛИЗКОГО ЧЕЛОВЕКА? ПСИХОЛОГ, ОРГАНИЗАТОР ПЕРВОГО РОССИЙСКОГО ХОСПИСА ПРОФЕССОР АНДРЕЙ ГНЕЗДИЛОВ ДЕЛИТСЯ С ЖУРНАЛИСТОМ МАРИНОЙ РАННОЙ ДАННЫМИ НОВОЙ НАУЧНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ — ТАНАТОЛОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ, А ТАКЖЕ РАССКАЗЫВАЕТ О РАЗЛИЧНЫХ ПРАКТИКАХ ПОДГОТОВКИ, ПРИНЯТЫХ В ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЯХ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА.

Избегание размышлений о смерти — опасно для жизни. Как отдельного человека, так и общества в целом. Древние это понимали. *Memento mori* — «помни о смерти»... Жизнь для них была наполнена будоражащим ароматом неповторимости, а постоянное ощущение присутствия смерти придавало земным делам глубокую осмысленность и рождало истинный гуманизм. Уважительное отношение к смерти и умершим всегда было присуще лишь тем обществам, в культурных основах которых жило уважение к человеку в любом проявлении его жизни: молодости, старости, болезни, умирании. Оно и было залогом их многовекового выживания. Древний Египет, Тибет... и мы — легкомысленные, замирающие от ужаса при мысли о смерти, и беззащитные, открывающие старые истины собственными страданиями...

ВЕРА

Как ответит наш разум на вопросы: «В чем смысл последних страданий? Для чего нужен душе новый опыт, если применить его она уже не сможет?» Ответ давно найден и прост: мироздание не терпит бессмысленности, смерть — не конец существования.

Бессмертие души не только придает осмысленность страданиям, вера в него является сильнейшим фактором, стабилизирующим психику в течение жизни и тем более в преддверии смерти. Люди, глубоко верящие или имеющие внетелесный опыт, обычно не переживают мучительных стадий психологического умирания, описанных Элизабет Кюблер-Росс (она работала в основном с атеистами). Они знают, что после смерти своего тела будут жить дальше, и с самого начала болезни не боятся трагического исхода, встречают смерть мирно, а иногда и с благоговейным ожиданием, как великую загадку. У них не возникает тяжелых депрессий, им не приходится с муками вырываться из общественного атеистического стереотипа и в предсмертном смятении искать и находить давно проторенную предками, но забытую современниками дорожку — веру.

Вера — явление сложное, к ней не приходят путем досужего теоретизирования. Это и способность, и опыт души. А потому верить УМЕЕТ лишь тот, кто осознает ее присутствие в себе, в гонке повседневности, в прозаической «бытовухе» забот.

Основная наша проблема состоит в том, что мы не можем поверить в бессмертие души не потому, что этого в принципе не может быть, а потому, что у нас при жизни начисто отсутствует опыт взаимодействия со своей духовной сущностью и, как следствие, с иными видами реальности. Воспринимая себя исключительно как продукт физического мира, в котором «все тлен и суета», оперируя его понятиями, мы не можем не бояться смерти. Смерть уничтожит все тленное. Не находя в себе ничего иного, мы с невероятным ужасом думаем о небытии.

Но жизнь без страха смерти возможна. Если человек, живя в материальном мире, обращается к своей духовной составляющей, как бы он ее ни называл, то рано или поздно он получает опыт взаимодействия с иными реальностями, очень похожий, а зачастую и аналогичный смерти. С его приходом страх смерти исчезает: смерть перестает быть чем-то совершенно незнакомым, а человек начинает ассоциировать себя не только со своим физическим телом, но и с душой. Поэтому в преддверии ухода такой человек концентрируется на своей духовной компоненте, и смерть становится для него плавным переходом в иную реальность — без мучений поиска смысла. Смысл очевиден, и тленная оболочка оставляет без сожалений.

Человек, подобного опыта не имеющий, остается беззащитным перед смертью, находится в полном одиночестве и незнании самого себя с аб-

Марина Ранна по образованию физик, переводчик с японского. Работала инженером, переводчиком, библиотекарем, нормировщиком на заводе. В журналистике с 1991 года. Работает корреспондентом и редактором в различных петербургских изданиях. Победитель многих журналистских конкурсов.

солютным, чудовищным страхом небытия. Именно в этом и заключается страшная цена, которую платят люди, всю жизнь «собирающие сокровища на земле», не подозревающие, что внутри их тела живет спасительная суть — бессмертная душа. Но обретение души ими непременно случится: мучительно, в страданиях перед уходом. Возможно ли помочь им в этом?

Андрей Владимирович Гнездилов: «У Парацельса, врача и философа Средневековья, есть такое высказывание: «Придет время, когда врач будет целить больного самим собой». Есть люди, способные заряжать больного энергетическим потенциалом собственной личности. Они воздействуют не рассказами о третьих лицах, а собственным душевным опытом и собственной верой. Если ты сам что-то открыл, за тобой открываются двери для других».

Духовность обретается по-разному: кто-то, воспитываясь в религиозной семье, впитывает ее сызмальства, как воздух; кто-то осознает собственную душу как самостоятельную сущность в тяжелой болезни, когда истончается телесная оболочка; кто-то — испытывает внетелесный опыт при травме или клинической смерти; кто-то — в горе; а кто-то — в минуты высочайшего наслаждения под воздействием музыки или красоты мира.

Андрей Владимирович Гнездилов: «Один раз я сидел на берегу моря и смотрел на волны и вдруг увидел перед собой человека, сидящего на берегу и глядящего на море. Это был я сам! Это продолжалось всего лишь мгновение и было первым подобным опытом».

Андрей Владимирович Гнездилов — врач-психиатр, доктор медицинских наук, профессор НИПНИ им. В.М. Бехтерева и кафедры психиатрии МАПО, почетный доктор Эссекского университета в Англии, основатель и первый врач первого в России хосписа.

Второй раз это случилось, когда я дней пятнадцать голодал и в то же время продолжал работать. Как-то после работы я отправился в Ботанический сад. Была весна. Я шел, еле волоча ноги, и не мог смотреть даже на прохожих: каждый взгляд отнимал силы. Наконец я доплелся до Ботанического сада, сел под деревом и стал упиваться ароматом цветов. И меня вдруг охватило такое блаженство: я почувствовал себя вне своего тела. Тело умирало — пятнадцать дней голодания... А душа сливалась с каждым цветком. Если бы в тот момент мне сказали, что сейчас на меня обрушится стена, я бы не двинулся с места, потому что у меня было ощущение, что это не убило бы меня, а всего лишь разрушило б тело. Эти случаи впервые сподвигли меня на то, чтобы принять самостоятельное существование души.

Присутствие рядом с умирающим человека духовного (неважно, реализована ли духовность в религиозности или нет) приносит наилучшие результаты. Именно духовность как признание первичности души необходима в общении с больным. Она защищает от психологической травмы и самого ухаживающего за ним: смерть из расставания навек становится рождением души в другой мир. Этому рождению и должно помочь.

Что же касается религии, она по-прежнему является, пожалуй, самой эффективной психотерапией смерти, поскольку человек, живущий в Боге, испытывает чувство, что он сильнее смерти, что он вышел из ее тисков, что жизнь непрекращаема.

Андрей Владимирович Гнездилов: «Никто из работающих в медицине не станет оспаривать

факт, что религиозные люди умирают легче и спокойнее атеистов. И значение здесь имеет не выбор какой-то определенной религиозной конфессии, а признание смысла происходящего».

Отцы церкви учат, что «совершенное чувство смерти свободно от страха». Вот как описывает свои переживания временной смерти во время операции по поводу рака горла отец Сергей Булгаков:

«После страшной муки адского горения, которое было «как бы хождением по мытарствам, в котором вскрылись жгучие раны души»,... прохлада и утешение проникли в огненную печь моего сердца... Я вдруг почувствовал, что ничто не отделяет меня от Господа, ибо я искуплен Господом... Небесная, невыразимая на человеческом языке — радость исполнила все мое существо... И в тот же миг я почувствовал, как все связанное любовью и заботой с сердцем моим... все мои любимые... от меня отделились, куда-то отошли, я умер и оказался за гранью этого мира. Во мне все светилось особенной радостью. Явилось сознание, что живы и близки одинаково все — и живые, и умершие. Я всех духовно чувствовал с собою... вызывал к себе, как бы ощупывая, духовно лобызал давно, давно умерших, так же как и живых, и была для меня также свобода от чувства места... Надо всем царило присутствие Божие. Навсегда я познал, что есть только Бог и милость Его, что жить надо только для Бога, любить только Бога, искать только Царствия Божия...» Таково было откровение смерти для отца Сергея. После чего Господь вернул его к жизни, «как новорожденного»: «Потому что в моей жизни произошел перерыв, потому что через нее прошла освобождающая рука смерти».

Доктор Гнездилов рассказывает: «Одна моя пациентка со слезами на глазах заявила: «Стоило заболеть раком, хотя бы для того, чтобы открыть для себя Бога».

Поэтому возможность встретиться со священником входит в систему духовной помощи больному. Если это возможно и соответствует жизненным ценностям человека, никогда не стоит пренебрегать ею, ведь депрессия умирающего зачастую провоцируется чувством вины перед кем-либо, обиды, воспоминаниями о собственных грехах, сознанием бессмысленности своей жизни. А исповедь священнику, который «уполномочен» выслушать все и отпустить грехи, дает умирающему ту психологическую поддержку, какую он зачастую не может получить у родных: священник для него — представитель Бога на земле. А обретенная вера делает уходящего свободным и почти счастливым.

СЛИШКОМ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Внешне все чисто, просто и бедненько. В хоспесе «пахнет» не смертью, а непритворной правдой и обнаженной душой. Я, не раз по профессиональной надобности бывавшая в кабинетах «крутых бизнесменов», ворочающих миллионы, нигде не ощущала такой чистоты «атмосфе-

ры». Удел последних — игры в жизнь. Здесь же в нее не играют, здесь ее живут до малюсенькой капельки.

Сестре Татьяне — тридцать пять. Худенькая, быстрая, со спокойным, хорошим лицом.

— Ну-ка, детонька, давай-ка сюда свою беду. Ух, я ее руками разведу!

«Детонька» раза в два ее старше — женщина лет семидесяти, бледная, очень грустная, лежит, закрыв глаза. Из-под век двумя ручейками за уши — слезы, губы шепчут беззвучно.

— Знаю-знаю. Звонил уже, все телефоны оборвал! Спешит, едет! Велел за ручку держать, никуда не отпускать! — Татьяна поправляет одеяло. — Давай-ка умоемся, причесочку соорудим. Эх, мне б такого принца! — Таня кивает на старенькую фотографию на тумбочке: девушка в летящем платьице под руку с серьезным блондином. Гладит в синих прожилках прозрачную руку.

«Детонька» слабо улыбается.

Семь лет назад Татьяна сама «стояла на краю». Тогда и пообещала Богу: если выживет, придет работать в хоспис. Выжила, пришла. Ей ли не знать, как надо... Рискует ли? Да не страшно уже! Рядом со смертью жизнь глубже.

Для того чтобы понять, что за люди здесь работают, стоит попытаться ответить на один вопрос: «Почему я, добропорядочный семьянин, законопослушный гражданин и просто хороший человек, не иду работать в хоспис, чтобы ежедневно и ежечасно держать за руку умирающих, беседовать с ними, подавать и выносить судно, переворачивать их, мыть, менять памперсы, слушать стоны и крики боли, утирать их слезы и утешать их близких, вместе с больными и умирающими переживать «моменты истины» и провожать их как близких друзей... и все это — за символическую плату?» Если вы знаете ответ, комментарии излишни. Если нет...

Андрей Владимирович Гнездилов: «У нас работают люди, для которых свойственно понятие духовности как принципа построения мира».

Это те, кто бросается спасать погибающего не по размышлению, а удовлетворяя глубокую потребность души. Они не могут жить иначе.

И у тех, кто работает здесь по зову сердца, и у тех, кто попадает сюда «случайно», будь то волонтеры или люди, желающие «испытать себя», встречи со смертью провоцируют переоценку жизненных ценностей: всяческая суэта делается бессмысленной и отступает на задний план. Совместное переживание всех стадий психологического умирания, служение человеку духовным попутчиком возрождает и укрепляет собственную душу. Последнее и является тем колоссальным «противовесом» так называемому синдрому «выгорания», проявляющемуся в повышенной физической утомляемости, в колебаниях настроения, утрате веры в свои силы, боязни заболеть раком. Ведь работающие в хосписе — всего лишь люди со своими семьями, проблемными детьми, бытовыми неурядицами, психологическими и физическими недомоганиями.

Некоторые уходят — никто не винит: работа должна приносить удовлетворение. Трудно найти его в смерти. Удастся тем, кто относится к ней как к рождению души в другой мир. Прощание с телесной оболочкой бывает мучительным. Так что ж? Тем более ей нужна помощь! Поэтому большинство работающих здесь, если и не верующие в церковном смысле этого слова, то уж точно — люди, признающие бессмертие души и ее первичность в этой жизни. Иначе — нельзя, иначе — не поможешь, иначе — рискуешь собственным психическим здоровьем. Помогают по-разному: кто мягкой «родительской» заботой, кто интеллектуальными беседами, кто провоцирующей жажду жизни эмоциональностью, кто умением безмолвно настроиться на созвучие, но все — служением умирающему. «Не Я и больной, а Больной и я» — вот тезис этого служения. Всегда в неприглядности человеческих отправления, в безумии горя, в собственной нищете и желании счастья.

— Сначала думала — не выдержу, уйду! Но я же Богу обещание дала! Он меня для этой работы спас. А потом постепенно не то, чтобы привыкла, стала не совсем человеком что ли, словно живу не здесь... Мне и не важно другой раз, как я одета. И на обиды, резкие слова перестала реагировать, и проблемы, что волнуют моих знакомых, кажутся ерундой. И страхи всякие у меня прошли. Эгоизм, что ли умер.

Устаю — да. Хочется иногда смеха, радости какой-то безумной: я же веселая... Вот здесь и шучу, развлекаю моих «деточек», как могу. А в выходной — на природу куда-нибудь, на зарядку внутренних батарей. Телевизор не смотрю: безжизненно там как-то. Там (Таня кивает куда-то за окно) я кто? — бывший товаровед. Ерунда какая! А здесь я действительно нужна. Наверное, это и есть судьба. Вы понимаете?

Я понимаю. Очень.

— Спросить хотите, замужем ли я? Был один «кандидат». Хороший человек. Говорил:

«Поженемся, из хосписа уходи: не хочу, чтобы от жены смертью пахло».

Обиделась и порвала с ним. Не понимал, значит, не любил. И жалеть не о чем... Я после своей болезни разборчивая к людям стала, с кем угодно жить не стану. Все по-настоящему хочу.

Невольно бросаю взгляд на ее руки.

— А грязи я не боюсь: в человеческом теле нет грязи. Она вся — из мыслей, из собственных комплексов. Я той «грязи» боюсь, что моих «деточек» за людей не считает. Иногда такая злость охватывает, убила бы... Да, не ангел я (смеется), и жизнь моя — сплошная трагикомедия. Тут я с работы ехала, купила у метро шарик воздушный — просто так. Ну и прицепился ко мне нищий, агрессивный такой: «Дай, — говорит, — денег». А я вижу: рожа испитая, ясно, на что деньги просит. Нет уж, думаю, я лучше своих чем-нибудь побалую. И не дала! Грех?! Так и убежала от него... с шариком...

САЙТ ДЛЯ РЕАЛИСТОВ

WWW.REALISTI.RU

В сети начал работу молодежный интернет-портал «Реалисты». Цель портала — противодействие дезинформации по важнейшим мировоззренческим вопросам, атакующим сознание людей из СМИ и других источников. Это такие вопросы, как счастье, половая самоидентификация, любовь и семья, культ потребления и наслаждений, патриотизм и национализм, культура, самоутверждение, духовность и многие другие.

В отличие от других миссионерских сайтов, целью этого портала является миссионерство самого базисного уровня. Задача портала «Реалисты» — помочь молодому человеку вернуться в реальный мир из того виртуального, компьютерно-глянцевого мира, мира рекламных роликов, в котором он пребывает. Найти в этом реальном мире Бога — это уже следующая задача, на которую работают многие другие сайты. Но пока человек находится в этом виртуальном, мертвом пространстве, ему трудно вступить в контакт с Живым и реальным Богом.

Сайт не перегружен «специальной» христианской терминологией и пытается разговаривать с читателем простым языком. Многие материалы сайта поданы в игровой форме, например, «Тест на реализм», который может пройти любой желающий.

Портал создан группой добровольцев, поддерживающих работу группы миссионерских сайтов www.perejit.ru — www.reallove.ru — www.pobedish.ru — www.zagovor.ru, ориентированных на светскую аудиторию. Команда портала «Реалисты.ру» приглашает к сотрудничеству активных молодых православных людей, владеющих словом: формируется команда авторов.

СОЦИАЛЬНАЯ СЕТЬ ДЛЯ ПРАВОСЛАВНЫХ

WWW.SOBORNOEDELO.RU

Недавно в российском Интернете была создана социальная сеть для православных «Соборное Дело». Структурно сеть практически копирует общеизвестный сайт www.vkontakte.ru, однако есть некоторые отличия. По словам авторов проекта, они создали «сеть, специально рассчитанную на православных христиан».

Авторы признаются, что к созданию собственной сети их подвигли «явные недостатки современных социальных сетей». «В большинстве из них воля невоцерковленного руководства не позволяет сообществу развиваться в направлении, желаемом для православных христиан. В том числе надо указать: жесткую нацеленность на поиск одноклассников и однокурсников, чем далеко не исчерпываются интересы православных христиан; молчаливое покровительство прямой порнографии, разврату и глумлению над христианскими ценностями, а также отсутствие возможности у православной общины как-либо повлиять на дальнейшее улучшение и развитие сети», — сообщают создатели «Соборного дела».

В середине августа проект «Соборное Дело» удостоился благословения правящего архиерея Санкт-Петербургской митрополии, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимир.

Есть и конкретные отличия. Первое — это наличие духовной цензуры со стороны авторитетных священнослужителей в отношении материалов сайта. Второе — наличие поиска материала «по духовным критериям», то есть возможность отыскать не только тех, кто учился с вами в классе, но и тех, кто ходил с вами в один приход, имеет одного духовного отца, ездил с вами в паломнические поездки.

Анастасия Коскелло